476175 р
Э
146
891.7.092
П 23
Инв. 5451.
373 б.
БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА Самар. Губ. Земства.
КНИГИ ИЗЪ СОБРАНІЯ П. К. СИМОНИ

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ

I.

Имя Симеона Полоцкаго (*) извѣстно намъ болѣе всѣхъ другихъ литературныхъ именъ XVII вѣка. Когда намъ говорятъ о письменности временъ Алексѣя Михайловича или Ѳеодора Алексѣевича, предъ нами прежде всего выступаетъ этотъ представитель западно-русскаго просвѣщенія на сѣверѣ Россіи. Счастливая судьба, спасшая его имя отъ забвенія въ потомствѣ, условлена не одними успѣхами его на литературномъ поприщѣ, а и тѣмъ положеніемъ, какое онъ занималъ въ современной ему общественной и государственной жизни. Мы знаемъ другихъ писателей—современниковъ Симеона Полоцкаго, которыхъ ученость, по отзывамъ древ-

(*) Полное имя, которымъ онъ подписывался и которое стоитъ въ заголовкѣ многихъ его сочиненій—Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій (Ситіановичъ его родовая фамилія, а Полоцкимъ онъ называется по мѣсту своего происхожденія)

Куйбышевская
№
Обл. Библиотека
476175.

нихъ свидѣтельствъ (*), была выше учености Симеона, которыхъ литературная дѣятельность была, пожалуй, полезнѣе его дѣятельности (разумѣемъ Епифанія Славинецкаго); а между тѣмъ эти другіе остаются въ тѣни, ихъ имена извѣстны только немногимъ спеціалистамъ.

Когда жилъ Полоцкій, въ то время духовенство не было родовымъ наслѣдственнымъ сословіемъ, не было тѣсно замкнутымъ кружкомъ, привязаннымъ къ одному строго-очерченному началу общественной жизни. Народная жизнь болѣе, чѣмъ нынѣ, подчинялась вліянію церкви. Представители духовенства значительно превышали прочую массу народонаселенія своимъ образованіемъ, даже были почти единственными обладателями образованія, и религіознаго и умственнаго. При этомъ всѣ сословія съ охотою обращались къ своимъ духовнымъ отцамъ, какъ рѣшителямъ ихъ сомнѣній и совѣтникамъ ихъ дѣла, и для дѣятельности духовенства открыто было широкое поприще около царскаго дворца, въ совѣтахъ бояръ, въ рѣшеніяхъ мірскихъ сходокъ. Между тѣмъ въ Москвѣ, особенно въ высшихъ слояхъ общества, замѣтно стало обнаруживаться стремленіе къ просвѣщенію, которому уже не могли въ полной мѣрѣ удовлетворять туземные грамотники. На зовъ этого стремленія являлись люди изъ соплеменныхъ областей западныхъ и южныхъ, усвоившіе себѣ болѣе или менѣе европейскую мудрость чрезъ польскія и южно-русскія духовныя школы. При недостаткѣ образованныхъ людей на сѣверѣ Россіи, такимъ мудрецамъ, владѣвшимъ школьною мудростію, предстояла видная роль, важная по вліянію и оболь-

(*) Рукоп. собраніе сочин. Славинецкаго, принадл. Кіево-Печерск. лаврѣ, стр. 911—12, предисловіе къ «разглагольству» Епифанія о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа.

стительная по тѣмъ выгодамъ, какія она сулила. Ни одному изъ пришельцевъ такъ не посчастливилось въ Москвѣ, какъ Симеону Полоцкому. Случай, сдѣлавшій его извѣстнымъ московскому царю, и его собственная предпріимчивость привели его изъ Полоцка въ Москву искать себѣ счастія. Ловкость и образованіе сразу поставили его здѣсь у царскаго престола,—на такой высотѣ, какой напрасно добивались многіе изъ людей именитыхъ. При сильномъ господствѣ мѣстничества, у Симеона, пришлаго и безроднаго монаха, стало силы и умѣнья съ честью поддерживать себя на этой высотѣ; исторія не говоритъ, чтобы онъ когда-нибудь ронялъ себя, склонялся къ упадку или терялъ свое вліяніе.

Всѣ защитники православія на юго-западѣ Россіи, всѣ почти писатели XVII вѣка получали свое образованіе въ кіевской коллегіи, которая стояла тогда на стражѣ вѣры и русской національности. Нынѣ ни одна школа такъ не связана съ чувствами и интересами народа, какъ связана была въ старину кіевская коллегія. Основанная и поддерживаемая обществомъ для защиты народности отъ стѣсняющаго вліянія, поддерживаемаго государственною силою, она была живымъ центромъ, въ которомъ освѣжался и укрѣплялся народный духъ. Стремясь къ пріобрѣтенію образованія въ православномъ духѣ, Полоцкій не могъ обойдти главнаго народнаго училища, котораго вліяніе однако не было для Полоцкаго исключительнымъ; потому что онъ былъ и въ польскихъ католическихъ заведеніяхъ. Монашество онъ принялъ въ Полоцкѣ. Съ способностями живыми, съ словомъ легкимъ и свободнымъ, съ образованіемъ, удовлетворявшимъ широтѣ современныхъ требованій, ему не трудно было пріобрѣсть себѣ славу много свѣдущаго человѣка и блестящаго оратора. Такому че-

ловѣку тѣсно было въ сферѣ провинціальной, гдѣ онъ еще видѣлъ себя въ партіи угнетенной, постоянно долженствовавшей отстаивать свои права отъ нападеній. Когда Алексѣй Михайловичъ, во время похода на Лифляндію, былъ въ Полоцкѣ, Симеонъ постарался обратить на себя его вниманіе. Увѣрившись въ покровительствѣ царя, онъ съ смѣлою надеждою пустился въ Москву, и надежда не обманула его.

Въ Москвѣ Полоцкій является наставникомъ царскаго наслѣдника Ѳеодора Алексѣевича, воспитателемъ и собесѣдникомъ другихъ членовъ семейства Алексѣя Михайловича; въ его рукахъ была такая сила, какою могли располагать самые приближенные придворные. Благочестивый Ѳеодоръ Алексѣевичъ, и сдѣлавшись царемъ, стоялъ къ Симеону въ отношеніяхъ послушнаго ученика къ своему вліятельному учителю. Противъ него поднимались толки, особенно въ патріаршество Іоакима. Но сильный связію со дворомъ, онъ не боялся противодѣйствующихъ вліяній со стороны духовенства, и безъ усилій торжествовалъ надъ ними. Русское духовенство не избирало его на высшія іерархическія степени, какъ человѣка чужаго и пришлаго. Но Симеонъ, вѣроятно, и не интересовался слишкомъ духовными чинами; законоспасское уединеніе было для него пріятнѣе, чѣмъ какая-нибудь отдаленная каѳедра, разлучавшая его съ дворомъ и лишавшая его того значенія, какимъ онъ пользовался въ столицѣ.

При недостаткѣ подробныхъ извѣстій о жизни Полоцкаго, намъ трудно оживить теперь предъ собою замѣчательную личность этого придворнаго монаха; мы должны судить о его характерѣ на основаніи отрывочныхъ данныхъ, какія остались намъ отъ тѣхъ далекихъ временъ, не любив-

шихъ много говорить о себѣ. Эпитафія (*), начертанная надъ его могилою усерднымъ почитателемъ его, Медвѣдевымъ, говоритъ потомкамъ, что всѣ вѣрные его любили, и удивлялись его *незлобію, тихости и кротости*, что онъ былъ *чистоты любитель, воздержанія въ слоеть и дьлъ хранитель* и проч.... Мы не думаемъ отрицать въ Полоцкомъ этихъ добродѣтелей, хотя и знаемъ, что не всегда можно довѣрять надгробнымъ надписямъ. Намъ кажется только, что однѣми этими и подобными качествами нельзя было утвердить и поддержать то значеніе, какимъ онъ пользовался у московскаго двора, и мы считаемъ нужнымъ указать въ немъ нѣсколько другихъ характеристическихъ чертъ. При патріархальной простотѣ нашихъ нравовъ, не думавшихъ подчиняться европейской цивилизаціи, русскаго человѣка могла поражать въ Симеонѣ прежде всего внѣшняя деликатность и сдержанная ловкость, какую естественно предположить въ жителѣ польскихъ провинцій, много обращавшемся среди іезуитовъ и посѣщавшемъ ихъ училища. Съ ловкою обходительностію соединялась въ немъ хитрость и осмотрительность, умѣющая выгадывать обстоятельства, привыкшая подлаживаться къ лицамъ и характерамъ. Незлобивый и тихій человѣкъ былъ человѣкомъ себѣ-на-умѣ. Одаренный умомъ тонкимъ и изворотливымъ, онъ всегда умѣлъ найдтись, чтобы сказать кстати, подѣйствовать на нужнаго человѣка, открыть ему и раздѣлить съ нимъ пріятное и полезное занятіе. Онъ услаждалъ своими бесѣдами Ѳеодора Алексѣевича и самого Алексѣя Михайловича; отъ него много узнала Софія Алексѣевна, и съ нею онъ устроялъ во дворцѣ драматическія представленія своего собственнаго сочиненія. Въ скучный теремъ древній

(*) Древн. Рос. Вивліоѳика. Ч. XVIII. 198—9.

его вліяніе вносило жизнь, разнообразіе и скромное, возможное тогда, развлеченіе. Не удивительно, что къ нему привязались наши цари и царевны.

Внѣшнее положеніе Полоцкаго въ Москвѣ было хорошо обезпечено со стороны правительства. Симеонъ старался еще болѣе улучшить его. Онъ не былъ равнодушенъ къ *тлѣннымъ* благамъ, и считалъ неблагоразумнымъ упускать изъ рукъ ту выгоду, какую могло доставлять ему его положеніе. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма его къ царю Алексѣю Михайловичу (*). Жилъ онъ въ монастырѣ Всемилостиваго Спаса, гдѣ былъ и настоятелемъ. Государь пожаловалъ его погребомъ въ той же обители въ городовой стѣнѣ, ради сохраненія вещей и ради безбѣдства отъ пожаровъ. Ему назначено было денежнаго корму по 5 алтынъ въ день (15 копѣекъ): въ то время деньги были очень дороги, и алтынъ стоилъ нынѣшняго рубля. При этомъ денежномъ жалованьи, кормъ, питіе и прочее, нужное ему, отпускалось натурою изъ государевыхъ дворцовъ, какъ для него, такъ и для челяди его, состоявшей изъ 3-хъ человѣкъ: изъ государева дровянаго двора шли ему дрова, и его лошади содержались на счетъ царскій; для нихъ отпускалось сѣно изъ луговъ коломенскихъ и овесъ изъ двора житнаго. Большіе церковные праздники и царскія торжества почти никогда не обходились безъ денежныхъ наградъ и подарковъ. Кромѣ того ему давалъ матеріальное обезпеченіе тотъ монастырь, въ которомъ жилъ онъ. Вообще условія жизни были очень благопріятны для Полоцкаго. Но въ своихъ просительныхъ письмахъ къ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу онъ постоянно указывалъ на свою бѣдность, на то, что онъ ни откуда не имѣетъ

(*) Вѣстникъ Европы. 1828. Сентябрь. 37—47.

пособія своей нищетѣ, кромѣ царскаго милосердія, и просто хоть по міру долженъ идти, если царь не дастъ ему того, чего онъ проситъ. Эти нищенскія жалобы были обычны въ то время; даже воеводы притворялись предъ царемъ совершенными нищими, когда имъ нужно было выпросить у него какую-нибудь милость. Мы видимъ изъ писемъ Полоцкаго, что у него были и лошади, и челядинцы,—предметы, которые далеко заходятъ за предѣлы первой необходимости. Не даромъ еще онъ просилъ Алексѣя Михайловича, чтобы тотъ велѣлъ изъ государской казны построить желѣзныя двери къ его погребу: потому-де, что безъ желѣзныхъ дверей отъ пожаровъ незащитно и страшно. Прошенія его бывали иногда довольно характерны и въ отношеніи къ нему самому, и въ отношеніи къ его эпохѣ. Пріѣхалъ, напримѣръ, къ нему изъ литовской земли *единоутробный братъ его Іоаннъ Емельяновъ*, и, по выраженію Симеона, *возлюбилъ во святомъ иноческомъ чинѣ житіе свое проводити, и за многолѣтное здравіе великаго государя до кончины живота своего купно съ Симеономъ Господа Бога молити*: Симеонъ молитъ прилежно *пресвѣтлое царское величество, да по премногому къ нему благоутробію благоволитъ дать ему на иноческія одѣянія, что̀ великому государю извѣститъ Господь Богъ* (*). Въ то же время онъ заставляетъ своего брата просить для себя у государя особеннаго денежнаго жалованья, а съ дворцовъ поденнаго корму и питія (**). Приближается торжественный праздникъ Рождества Христова, Симеонъ *ради плоть пріемшаго насъ дѣля человѣкъ* проситъ себѣ праздничнаго гонорарія (***). Написалъ онъ *книжицу хитростію піитическаго ученія* въ похвалу жи-

(*) Вѣстн. Европы, 1828. Письмо 7-е.

(**) Ibid, письмо 9-е.

(***) Ibid. письмо 8-е.

тія царственной особы или ради утоленія печали живыхъ по умершимъ,—онъ ожидаетъ награды за *художное написаніе*, и прямо проситъ ея (*), если не даютъ ничего (какъ то было послѣ написанія плача по царицѣ Маріи Ильинишнѣ). Если государь по какому-нибудь случаю осыпалъ милостями чиновныхъ людей, Симеонъ находилъ смѣлость напоминать, что его забыли и не дали вспоможенія его скудости (какъ то было послѣ брака Алексѣя Михайловича съ Наталіею Кириловною).

Въ жизни Симеона Полоцкаго не должны быть забыты тѣ натянутыя отношенія, въ какихъ стоялъ онъ къ патріарху Іоакиму и другимъ представителямъ московскаго духовенства, и которыя разрѣшились, послѣ его смерти, церковнымъ осужденіемъ нѣкоторыхъ его сочиненій (**). Многіе изъ московскаго духовенства недружелюбно смотрѣли на пришлаго монаха, и неблагопріятно отзывались о его сочиненіяхъ. Переводческое общество, тогда дѣйствовавшее въ Москвѣ подъ главнымъ управленіемъ Славинецкаго, не хотѣло принимать его въ свой составъ. Славинецкій, по свидѣтельству Евфимія (***), не допускалъ Полоцкаго къ участію въ исправленіи славянскаго перевода Библіи, имъ тогда предпринятомъ. Конечно не одно малое знакомство Полоцкаго съ греческимъ языкомъ было тому причиною, но и личныя отношенія къ нему Епифанія, и тотъ взглядъ, какой имѣлъ на него этотъ ученый. Патріархъ Іоакимъ подозрѣвалъ Симеона въ пристрастіи къ латинству, и наложилъ церковное запрещеніе на многія его сочиненія. Полоцкій самъ чувствовалъ недовѣріе къ себѣ со стороны

(*) Письмо 10-е.

(**) Осужденію подверглись его проповѣди, Вѣнецъ вѣры каѳолическія и катихизисъ.

(***) Истор. слов. Митр. Евгенія, Ч. I. 180—1.

духовныхъ лицъ, ему современныхъ. Въ каждомъ своемъ сочиненіи, предупреждая толки, онъ хочетъ заявить, что онъ свой трудъ *подлагаетъ разсужденію церкви, которой ей же никогда противенъ хощетъ быти* (*). Призывая всѣхъ на духовную вечерю свою, онъ опасается, что многіе отрекутся отъ нея (**) *едини завистію движеми, иніи неразсужденіемъ бѣдими*. Это не было дѣломъ простаго недоразумѣнія или личнаго недоброжелательства русскихъ духовныхъ къ счастливому сопернику-пришлецу, отбившему первенство во вниманіи царя у людей, поставленныхъ на высшихъ іерархическихъ степеняхъ. Оппозиція эта имѣетъ смыслъ какъ по отношенію къ личности Симеона, такъ и по отношенію къ той эпохѣ, въ которой она возникла. Пришедши изъ далекаго, хотя и родственнаго края, поставленнаго въ иныя общественныя условія, ставши высоко во мнѣніи общества, Полоцкій неосторожно давалъ чувствовать великорусскому духовенству низкую степень его развитія, и выдѣлялъ себя изъ того круга, въ который вошелъ, и который не могъ вполнѣ соотвѣтствовать его желаніямъ. Ему не чужда была нѣкоторая заносчивость, особенно когда онъ увидѣлъ свое положеніе хорошо утвержденнымъ. Услужливый въ началѣ предъ духовными властями, при расположенномъ къ нему патріархѣ Іоасафѣ, онъ не хотѣлъ знать ихъ, когда не показывали ему знаковъ прежняго вниманія, а подозрительно смотрѣли на него. Патріархъ Іоакимъ выражалъ (***) нѣчто въ родѣ жалобы на то, что Симеонъ не хотѣлъ считать кого-нибудь изъ духовныхъ выше себя, и безъ его позволенія распоряжался своими дѣлами тамъ, гдѣ считалъ

(*) Предисл. къ Вѣнцу вѣры, къ Обѣду душевному и Вечери душевной.
(** Пр[illegible]д. къ Веч. л. 4 на об.
(***) Истор. слов. Евгенія, ч. II. 213—4.

Публичная
№
Обл. библиотека

нужнымъ это позволеніе (Симеонъ печаталъ напримѣръ свои сочиненія и писалъ что они изданы съ благословенія патріарха, а патріархъ свидѣтельствовалъ, что онъ и не видалъ ихъ прежде изданія). Связь съ свѣтскою властію обнадеживала Симеона и утверждала его въ смѣломъ поведеніи. Здѣсь онъ и искалъ себѣ всегда опоры. Это разумѣется не могло нравиться духовенству. Впрочемъ въ оппозиціи московскаго духовенства Симеону нельзя не видѣть и участія ревнивой охраны православія. Какъ ни нужны были у насъ на сѣверѣ Россіи въ XVII вѣкѣ ученые люди, такихъ людей, приходившихъ съ юга Россіи, полоненнаго католичествомъ, рѣдко въ Москвѣ принимали съ распростертыми объятіями, а часто и долго они должны были бороться съ недовѣріемъ. Къ Симеону Полоцкому московское духовенство тѣмъ естественнѣе могло относиться съ недовѣріемъ, что самъ онъ довольно ясно высказывалъ стремленіе дѣйствовать независимо отъ церковной власти, а иногда въ его воззрѣніяхъ замѣтно было вліяніе самыхъ догматическихъ ученій запада (напримѣръ въ вопросѣ о времени пресуществленія хлѣба и вина (*) въ евхаристіи). Дѣятельность его часто выходила изъ предѣловъ его положенія, и готова была нарушить порядокъ установившихся іерархическихъ формъ. При близости къ верховной власти, у него являлось сильное стремленіе къ вліянію на общественную среду. Татищевъ (**) приписываетъ ему разные планы о преобразованіяхъ въ церковной сферѣ, которые будто онъ старался осуществить и которые не мало озабочивали патріарха Іоакима. Эти планы сообщаемые Татищевымъ отзываются католическими тенденціями:

(*) Слово о благогов. стояніи въ храмѣ и слушаніи литургіи. Приб. къ Веч. душ. 80.

(**) Росс. истор. ч. I, 573.

онъ думалъ—будто установить у насъ имя и значеніе папы для высшаго іерарха и подчинить ему нѣсколько патріарховъ, и при этомъ впушалъ мысль объ удаленіи отъ правленія Іоакима, гонителя всего иностраннаго и горячаго защитника православія и народности русской. При высокомъ значеніи Симеона у московскаго двора, при большомъ вліяніи его на Ѳеодора Алексѣевича, эти планы не могли быть принимаемы какъ простыя мнѣнія частнаго человѣка. И одинъ слухъ о нихъ, не совсѣмъ точный, пожалуй несправедливый, могъ взволновать горячихъ патріотовъ.

Литературная дѣятельность Полоцкаго представляетъ его не столько человѣкомъ кабинетнаго труда и сосредоточенной мысли, сколько даровитаго общественнаго писателя. Въ этомъ отношеніи замѣтно явное различіе между Епифаніемъ Славинецкимъ и Симеономъ Полоцкимъ, двумя главными дѣятелями русской духовной литературы въ послѣдней половинѣ XVII в. Славинецкій созерцательнаго направленія: онъ представляетъ изъ себя типъ ученаго, насколько этотъ типъ могъ совмѣститься съ условіями русской жизни XVII в. Онъ трудится надъ составленіемъ лексикона, читаетъ писанія отцовъ съ цѣлію объясненія церковныхъ словъ, занимается сличеніемъ текстовъ: переводы и исправленія книгъ, если и были поручены ему, то тѣмъ не менѣе сообразовались съ характеромъ и направленіемъ его. Въ самыхъ проповѣдяхъ онъ сохраняетъ свой созерцательно-отвлеченный характеръ; и здѣсь онъ больше изслѣдываетъ и доказываетъ истину, чѣмъ учитъ ей и передаетъ ее. Симеонъ Полоцкій больше ораторъ, чѣмъ ученый, больше литераторъ, чѣмъ мыслитель, посвящавшій часы свои долгой и трудной работѣ изслѣдованія. Онъ пишетъ много, и пишетъ скоро, почти по всѣмъ отдѣламъ литературы, тогда еще узкой въ своемъ объемѣ.

Въ самыхъ ученыхъ его работахъ (Вѣнцѣ вѣры) мы видимъ готовые результаты, не добытые имъ самимъ, а занятые имъ изъ чужихъ трудовъ. Онъ выступалъ на поприще богословской науки, и въ *сооруженномъ имъ Вѣнцѣ вѣры* представилъ христіанамъ полную догматику, совокупность всего православно-христіанскаго вѣроученія. Онъ вступалъ въ богословскую полемику съ расколоучителями, по порученію и отъ имени патріарха Іоасафа и всего освященнаго собора московскаго 1666 г., и своимъ духовнымъ «*жезломъ*» побѣдоносно поражалъ ихъ и отбивалъ смѣлыя нападенія. Это были его ученые труды. Но они во первыхъ составляютъ меньшую часть его произведеній, а во вторыхъ и въ нихъ виденъ больше литературный, чѣмъ ученый характеръ его авторской дѣятельности. Къ изложенію православнаго вѣроученія дала ему поводъ та должность, какую онъ занималъ при дворѣ. Основаніемъ для Вѣнца вѣры послужили тѣ уроки, какіе преподавалъ онъ своему питомцу Ѳеодору Алексѣевичу. Здѣсь много познаній, много начитанности, большое знакомство съ разными чужими мнѣніями. А между тѣмъ очень замѣтенъ ученый индифферентизмъ, легко довѣряющій чужому голосу, и мирящійся съ взглядами противоположными. Полоцкій заботится не о томъ, чтобы тверже *основать* истину, а чтобы больше и подробнѣе *сообщить* о ней: онъ передаетъ извѣстныя ему и ходячія въ тогдашней письменности свѣдѣнія, а не думаетъ самостоятельнымъ трудомъ провѣрить и оцѣнить ихъ. Его задачею было представить читающей публикѣ въ связной, ясной, всѣмъ доступной картинѣ все, что только писалось о предметахъ вѣры. Въ своей полемикѣ еще болѣе, чѣмъ въ дѣлѣ догматическихъ опредѣленій, Полоцкій уклоняется отъ ученой изыскательности и принимаетъ на себя роль общественнаго писателя, вступающаго въ публичный споръ съ

противникомъ съ готовымъ запасомъ знаній. Эта полемика требовала отъ него не усидчивой кабинетной кропотливости, роющейся въ мертвыхъ фоліантахъ, и разбирающей голосъ памятниковъ, а бойкаго живаго пера, которое бы не затруднялось дать скорый и ловкій отвѣтъ на возраженіе противника. По крайней мѣрѣ, это преслѣдовалъ и это показалъ въ своей полемикѣ Симеонъ Полоцкій, написавъ свой *жезлъ* менѣе чѣмъ въ два мѣсяца. Церковная каѳедра—вотъ что̀ призывало его; здѣсь онъ могъ развернуться всею силою своего таланта. Благочестивымъ читателямъ онъ предложилъ въ печати плоды своихъ литературныхъ занятій, и главные изъ нихъ составили содержаніе «*Обѣда душевнаго*» и «*Вечери душевной*», въ которыхъ собраны его слова на воскресные и праздничные дни. По этому *обѣду представленному въ насыщеніе*, и по этой *вечери, предложенной въ укрѣпленіе*, наши древніе читатели знали и цѣнили Симеона Полоцкаго. Являясь блестящимъ по своему времени церковнымъ ораторомъ, Симеонъ Полоцкій отличался *хитростію піитическаго ученія*, и представлялъ изъ себя духовнаго придворнаго стихослагателя поэта; и въ этомъ родѣ его авторской дѣятельности ясно выражается его стремленіе съ живою рѣчью обращаться къ обществу. Духовныя событія, нравственныя мысли онъ представляетъ въ живыхъ рѣчахъ для комидійнаго повторенія ихъ разными лицами предъ общественнымъ, болѣе или менѣе обширнымъ собраніемъ. А еще чаще его піитическія силы возбуждались къ дѣятельности какими нибудь значительными событіями въ жизни царскихъ особъ, и онъ настраиваетъ свою искуственную лиру, чтобы патріотическимъ гимномъ воспѣть «*возвеличеннаго орла Россіи*», или старается вынудить у нея плачевные, элегическіе звуки, при видѣ скорби царскаго семейства объ утратѣ какого

либо члена изъ его среды. *Его доброгласная Гусль* всегда настроена на тотъ тонъ, какой задавала жизненная судьба его высокимъ покровителямъ, и какой гармонировалъ съ ихъ внутреннимъ состояніемъ. Поэзія Полоцкаго это послушное эхо, которымъ въ слухъ Россіи въ рѳмованныхъ строчкахъ передавалось то, что̀ льстивая патріотическая услужливость внушала приближеннымъ къ царскому престолу. И такъ церковное ораторство и бельлетристическая письменность, сообразная съ духомъ и развитіемъ русскаго общества въ XVII вѣкѣ, и условливаемая временными обстоятельствами;—главныя проявленія литературной дѣятельности Полоцкаго. Природнымъ складомъ своей головы онъ былъ призываемъ къ тому, чтобы быть толмачемъ готовыхъ идей и понятій, и народнымъ глашатаемъ, говорить съ обществомъ о разныхъ вопросахъ и предметахъ, болѣе или менѣе близкихъ къ нему, болѣе или менѣе совпадавшихъ съ религіознымъ настроеніемъ тогдашняго времени. Отъ того онъ больше могъ быть извѣстенъ современной публикѣ, больше могъ оказать ей временныхъ услугъ, больше могъ получать отъ нея похвалъ и одобренія, чѣмъ какой нибудь скромный кабинетный труженикъ, хоть напримѣръ Епифаній Славинецкій. Взглядъ Полоцкаго на вещи былъ взглядъ непосредственный, прямой, замѣчающій въ вещи то, что̀ она можетъ представлять собою съ перваго раза, съ перваго взгляда. Его понятія слагались и развивались въ немъ, не напрягая умственныхъ силъ, по первому призыву возбуждающей воли. То содержаніе мысли и то воззрѣніе, какое проводилъ и раскрывалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, не было оригинальнымъ его произведеніемъ, а было достояніемъ общаго сознанія. Онъ легко подчинялся голосу преданія, до него доходившаго; и авторитетъ, какой бы онъ ни былъ, склонялъ его мысль на свою сторону.

Нравственный взглядъ на жизнь, выражающійся въ сочиненіяхъ Симеона Полоцкаго, — взглядъ исключительно подвижническій. *Пустыня и пустынное* житіе — вотъ куда бы Симеонъ хотѣлъ устремить взоры всѣхъ людей, и вотъ гдѣ отъ юности, по его мнѣнію, можно и нужно искать надежды спасенія. Потому онъ убѣждаетъ родителей побуждать дѣтей своихъ съ малыхъ лѣтъ къ иноческому житію, и укоряетъ тѣхъ, которые «юнымъ чадомъ своимъ, Богу себе пожрети хотящимъ, даютъ спону прещеніемъ, ласканіемъ, лестными лужденіи и страхи, предлагающе неудобство имъ житія иноческаго...» Въ примѣръ нравственной жизни для всѣхъ христіанъ у Симеона представляются великіе подвижники: Павелъ Ѳивейскій, Антоній Великій, Іоаннъ Кущникъ, Алексѣй человѣкъ Божій и другіе.

Строгость взгляда Симеонова, готовая всѣхъ увлечь въ пустыню, не могла мириться со многими явленіями, допущенными жизнію общества, естественными въ каждомъ обществѣ, но ненаправленными прямо къ подвижнической цѣли: она напримѣръ порицала церковнымъ судомъ разныя общественныя забавы и развлеченія, и недружелюбно относилась къ свѣтской повѣствовательной литературѣ, которая въ рукописныхъ переводахъ была очень распространена и въ XVII вѣкѣ. Это — египетскія мяса и брашна, по его выраженію, это — смертоносныя словеса. Вооружается также онъ противъ разныхъ общественныхъ увеселеній того времени, забавъ, гуляній, собраній праздничныхъ и т. под. У него впрочемъ есть высшее начало, во имя котораго онъ вооружается противъ современныхъ ему общественныхъ увеселеній; это начало заставляетъ его видѣть въ нихъ родство съ древними обрядами язычества, и по причинѣ этого

родства гнать ихъ изъ христіянскаго общества, хотя народъ и не подозрѣвалъ въ нихъ ни малѣйшаго отголоска древнихъ языческихъ преданій. Во имя этого начала онъ возстаетъ противъ напр. *качелей*. «Есть обычай богомерзкій, говоритъ онъ, во странахъ нашихъ россійскихъ, во градѣхъ же, въ селѣхъ и въ весѣхъ, еже висѣлицы нѣкія поставляти, именуемыя просто рѣли, на нихъ же маліи и велицыи обыкоша колыхатися, съ великимъ бѣдствомъ здравія своего, многажды съ лишеніемъ живота, а всегда со грѣхомъ: ибо то древле идолослужители въ честь лжебогомъ своимъ творяху, а мы тожде содѣваемъ, аки боги ихъ знающе и чтуще» (*). Во имя этого же начала онъ возстаетъ противъ хороводовъ. «Сицевіи христіане, говоритъ онъ, въ правду могли бы по дѣломъ нарещися иродіане; яко продіадину дщерь подражаютъ (**). Всѣ разныя скаканія, плясанія и играніа, по словамъ Симеона, безчестны и богомерзки: они приличны сынамъ тьмы; участвующіе въ нихъ являются почитателями чуждыхъ боговъ, паче же бѣсовъ (***).

Съ аскетическимъ воззрѣніемъ на жизнь вообще у Полоцкаго соединялось строгое, почти враждебное воззрѣніе на *женщину*. «Полъ женскій, это тля юности, и одно зрѣніе на женщинъ заражаетъ человѣка ядомъ аспида.» — Эта мысль обращаетъ наши взоры къ древнимъ *пчеламъ*, къ словамъ о злыхъ женахъ, ходившимъ въ нашей древней Руси подъ псевдонимами уважаемыхъ церковію лицъ,—къ той апокрифической литературѣ, которая распространяла въ нашемъ древнемъ обществѣ понятія, бросающія тѣнь на пониманіе

(*) Вечери душ. приб. слово о суевѣріи, л. 35—6.

(**) 36 на оборотѣ.

(***) Приб. къ Веч. поученіе отъ Іерем. л. 18. обѣдъ душ. 443.

истинныхъ требованій христіанства многими изъ тогдашнихъ грамотѣевъ. Туда же обращается наше вниманіе, когда мы читаемъ у Полоцкаго наставленія касательно *способа* воспитанія дѣтей. Объ этомъ предметѣ онъ судилъ такъ, какъ другіе судили въ его время. По его слову, и у добрыхъ родителей не будутъ добрыя дѣти, если эти родители не налагаютъ на дѣтей *язвы за безчестіе*. Жезлъ и наказаніе—необходимыя средства для исправленія дѣтей и для лучшаго ихъ воспитанія. Первосвященникъ Илій наказанъ смертію за то, что не *наказоваше* дѣтей своихъ, когда тѣ согрѣшали предъ Господомъ, *якоже подобаше, но легкими и мякими словесы увѣщаше. Паказоваше онъ чада свои, но не жестоцѣ, не прилагаше ко словесѣмъ жезла, не взимаше на ня палицы въ руцѣ сн, забывъ увѣщаніе* Спрахово. Послѣ этого примѣра, Полоцкій обращается къ родителямъ съ такимъ увѣщаніемъ: *родителіе, не щадите жезла, аще хощете о чадѣхъ веселитися вашихъ: жезлъ бо есть злобы искоренитель и насадитель добродѣтелей... чадъ аще не біеши, не сподобишися радости: бій перепе словомъ, таже жезломъ, и отженеши жестокосердіе его, и яко плевелы отбіеши злоправіе.*

Встрѣчая подобныя сужденія у Симеона Полоцкаго, можно придти къ предположенію, что Полоцкій былъ врагъ всякаго прогресса жизни общественной. Но это было бы несправедливо. При всей исключительности своихъ теоретическихъ воззрѣній на жизнь, Полоцкій на практикѣ былъ человѣкомъ жизни; тѣ воззрѣнія являются въ его произведеніяхъ не потому, чтобы они сложились въ немъ, какъ живое и глубокое убѣжденіе изъ внутреннихъ опытовъ жизни и самостоятельныхъ размышленій, а потому что это были обычныя воззрѣнія духовной литературы; онъ находилъ ихъ готовыми въ попадавшихся ему

сочиненіяхъ. Въ практикѣ онъ не только не былъ отшельникомъ, чуждающимся всякихъ вопросовъ и интересовъ современной жизни, напротивъ онъ былъ горячимъ поборникомъ улучшеній, глашатаемъ новыхъ идей, передовымъ общественнымъ дѣятелемъ своего времени. Среда, въ которой онъ воспитывался и жилъ, своеобразно опредѣляла для него неширокій идеалъ общественнаго развитія. Время, въ какое онъ жилъ, далеко не пріобыкло къ тому разнообразному раскрытію общественныхъ началъ, какое достается на нашу долю и на долю нашихъ потомковъ. Но всѣмъ лучшимъ, носившимся въ воздухѣ той эпохи, интересовался его воспріимчивый духъ,—всему хорошему онъ старался пролагать дорогу, сколько то позволяли ему его личныя и сословныя обстоятельства, какъ объ этомъ можно заключать уже изъ однихъ драматическихъ опытовъ, которыми онъ старался положить начало новому явленію нашей жизни. Отъ него, конечно, никто не въ правѣ требовать, чтобы онъ въ монашеской рясѣ высказывалъ такія смѣлыя вещи, какихъ страшились, отъ которыхъ далеки были свѣтскіе представители тогдашняго образованія. Но онъ, по мѣрѣ своихъ силъ и по степени развитія своихъ воззрѣній, старался сломить тѣ преграды, въ которыхъ цѣпенѣла тогда русская мысль. Суевѣрія, которыя такъ прилипчиво дѣйствуютъ на неразвитую массу народа, довѣрчивыя обращенія нашихъ дѣдовъ къ колдунамъ и ворожеямъ, наши обычаи, отзывающіеся языческою стариною, доселѣ видные въ празднествахъ, бывающихъ въ ночь подъ такъ называемый *Иванов день* (*), все это находило въ немъ искренняго ратоборца. Наука не только духовная, но и свѣтская находила въ Полоцкомъ дѣятельнаго

(*) Приб. къ Вечери душ. слово о суевѣріи л. 30—40.

поборника, желавшаго ей успѣховъ на Руси. Правда, у него есть нападенія на *мудрость плотскую и мірскую;* но подъ этою мудростію плотскою и мірскою онъ отнюдь не разумѣетъ свободныхъ наукъ и художествъ. Нападая на нее, онъ замѣчаетъ для устраненія недоразумѣній, что не охуждаются здѣ художества свободная: грамматика, риторика, философія и прочая, яже суть зѣло полезна въ гражданствѣ и къ духовной премудрости пособственна (*). Онъ охуждаетъ только ту мудрость, *которая есть вражда на Бога и закону Божію не покоряется, онъ охуждаетъ непокорство Божію словеси естественнаго разума, художествомъ тѣхъ хитростію изощреннаго, егда кто на естественныя вины взирая, Божію не повинуется слову:* еще мірская мудрость, *если кто обращаетъ остроту своего разума на развращеніе правыхъ, на помраченіе истины, на побореніе лжи* и т. д. Видно поэтому, что если онъ осуждаетъ мірскую мудрость, то не думаетъ осуждать ея существа, а только одно вредное направленіе, какое можетъ принимать и принимаетъ иногда эта мудрость. Противорѣчитъ какъ будто этому его безусловное порицаніе ходившихъ тогда повѣстей, которые онъ называетъ срамными и скаредными. Но этотъ родъ литературы не пріобрѣлъ еще тогда оффиціальнаго и публичнаго признанія со стороны присяжныхъ мудрецовъ; въ храмѣ схоластики, изъ котораго всѣ они вышли, не было мѣста вымышленнымъ обыденнымъ разсказамъ, притомъ самые эти разсказы своимъ содержаніемъ очень часто обличали свою пустоту и безцѣльность. Эстетическаго интереса въ нихъ было мало; да и самый этотъ интересъ былъ не сознанъ временемъ и обществомъ. Мысль прикована была къ интересу или нравственно-практи-

(*) Вен. душ. л. 225.

ческому или теоретическому, а если письменное произведеніе ничему не научало ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи: то во имя какого начала было цѣнить его? Осуждая повѣствовательную свѣтскую письменность, Полоцкій не думалъ тѣмъ унижать свѣтскую науку. Полоцкій старался показать на видъ своимъ современникамъ, что великіе учители христіанскіе (Григорій Богословъ, Василій Великій и другіе) съ большимъ усердіемъ изучали свободную аѳинскую мудрость, и въ совершенствѣ знали мірскія ученія (*), такъ что превосходили въ этомъ лучшихъ своихъ современниковъ. Въ этомъ онъ находилъ примѣръ, достойный подражанія. Случалось ему въ своихъ проповѣдяхъ упоминать о представителяхъ свободной не христіанской науки, —Платонѣ, Аристотелѣ и другихъ: ихъ слово для него авторитетъ, онъ называлъ ихъ *премудрыми* (**), только одинъ Эпикуръ заслужилъ у него названіе *проклятаго*. Самъ онъ зналъ, какъ видно изъ его сочиненій, не только Платона и Аристотеля, но и Ѳалеса, Діогена, Плинія, Симонида, Димосѳена, «философа уподобляющаго умы юныхъ отроковъ скрижали не написанной, на ней же учитель можетъ написать, что захочетъ» (***), и другихъ,—читалъ піитовъ, упоминающихъ о сиренахъ, обрѣтающихся на нѣкоемъ морѣ, сладцѣ зѣло поющихъ (одиссею), разсказывалъ миѳическую басню о Фаэтонѣ сынѣ Солнца и т. п. (****) Полоцкій настоятельно убѣждалъ русскій народъ къ *взысканію премудрости*. Въ словѣ, составленномъ и говоренномъ

(*) Веч. л. 226. Приб. л. 152.

(**) Веч. душ. л. 239, 140. Приб. 125.

(***) Веч. душ. 240. Приб. къ Веч. л. 112—3. 125—7. Веч. л. 196—7.

(****) Обѣдъ душ. L. 542. Приб. къ Веч. 152—3. Др. Росс. Вивліоѳика. Ч. II (по перв. изд. 1773 г.) 205—239.

имъ на день Рождества Христова, отъ лица патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, въ бытность ихъ въ Москвѣ по дѣлу Никона, онъ именемъ Божіей премудрости, рожденной въ Виѳлеемѣ, молитъ россіянъ взыскать научную премудрость, потому что она свѣтъ умныхъ очей и правило всему житію человѣческому. Обращаясь отъ лица патріарховъ къ государю Алексѣю Михайловичу, онъ внушаетъ ему положить въ сердцѣ своемъ созидать греческія, славянскія и иныя училища, спудеовъ (учениковъ) умножить своею милостію и вниманіемъ, взыскать благоискусныхъ учителей, и всѣхъ честьми поощрять на трудолюбіе. Отъ сихъ сѣмянъ въ скоромъ времени Богъ дастъ плодъ стократный и полныя рукояти. Въ этомъ словѣ Полоцкій не былъ простымъ толмачемъ и посредникомъ въ передачѣ чужихъ мыслей: онъ выражалъ здѣсь свое собственное убѣжденіе; авторитетъ патріарховъ, къ которому прибѣгалъ онъ, былъ только подтвержденіемъ и усиленіемъ его слова въ глазахъ народа, привязаннаго къ церковной власти и преданію. Его собственныя воззрѣнія на этотъ предметъ выразились въ извѣстной его «*Привилегіи на Академію*», написанной имъ отъ лица Ѳедора Алексѣевича, и утвержденной Софіею Алексѣевною уже послѣ его смерти, по представленію Сильвестра Медвѣдева. Въ этой *Привилегіи* видно и сознаніе великой важности и пользы науки, и большая заботливость о ея успѣхахъ, и благосостояніи ея представителей, простирающаяся даже въ далекія будущія времена, видны и широкіе ученые замыслы, видна наконецъ и сила вліянія Симеона Полоцкаго въ пользу науки и ея представителей. Словами Полоцкаго говоритъ въ *Привилегіи* Ѳедоръ Алексѣевичъ, что «онъ ни о чесомъ тако тщаніе свое сотворяетъ, яко о изобрѣтеніи премудрости, съ нею

же вся благая отъ Бога людямъ дарствуются. Оною паче иныхъ всѣхъ образовъ слава Божія умножается.... Тою же вся царствія благочинное расположеніе, правосудства управленіе, и твердое защищеніе, и великое распространеніе пріобрѣтаютъ. Сокращенно же да речемъ: *мудростію* во вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ познаваемъ злое и доброе,—злое, да отъ него уклонимся, доброе же, да ему послѣдствуемъ.» Въ обезпеченіе училища, на довольное и лѣпоствующее препитаніе блюстителю и учителямъ и нужныхъ исполненіе, привилегія жалуетъ академіи нѣсколько монастырей и угодій, въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, близкихъ и дальнихъ. Для привлеченія въ академію благоискусныхъ дидаскаловъ, имъ даются особыя права, и обѣщается особое жалованье (пенсія) тѣмъ, которые довольное время потрудятся въ училищѣ, *ради ихъ успокоенія къ старости.* Для заохочиванія молодыхъ людей къ наукамъ, за тщаніе въ нихъ обѣщается достойное мздовоздаяніе: по совершеніи свободныхъ ученій имутъ быти милостивно пожалованы въ приличные чины ихъ разуму, и царское особое воспріимутъ, яко мудрые, щедрое милосердіе. А неучащихся свободнымъ ученіямъ, всякихъ чиновъ людей, дѣтей ихъ, развѣ благородныхъ, въ наши государскіе чины, въ стольники, въ стряпчіе и въ прочіе, ни за какія дѣла, кромѣ ученія и явственныхъ на войнахъ и иныхъ государственныхъ нашія государскія чести къ умноженію и государства къ разширенію содѣланій, не допущати. Для устраненія препятствій къ занятію науками служащіе въ училищѣ и учащіеся освобождены отъ вѣдѣнія гражданскаго суда, но все представлялось судить блюстителю съ учителями, кромѣ убійственныхъ и иныхъ великихъ дѣлъ, по особому академицкому чину; если объявлялись на комъ изъ учениковъ долги отцовскіе или *иныя какія вины,*

суда на нихъ не давати, доколѣ они *имутъ пребывати во ученіи*. Училище, учреждаемое привилегіею, основывалось на правахъ академіи (чиномъ академіи); въ немъ предполагалось изучать науки гражданскія и духовныя, начеше отъ грамматики, пінтики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и правной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ; при этомъ предполагалось еще и ученіе правосудія духовнаго и мірскаго и прочихъ всѣхъ свободныхъ наукъ, ими же цѣлость академіи, спрѣчь училищъ составляется быти. Академія предназначалась не для однихъ духовныхъ, а для всякаго чина, сана и возраста, исповѣдающихъ православную вѣру.

Впрочемъ въ привилегіи, сообразно съ духомъ времени высказываются по мѣстамъ стремленія, отзывающіяся односторонностію и фанатизмомъ. Привилегія совершенно не допускаетъ къ училищу иновѣрцевъ, за похвалу чужой вѣрѣ и за хуленіе православной присуждается человѣку казнь сожженія; тому же подвергаются учители возбраняемыхъ церковію наукъ, наипаче же магіи естественной. Возбраняется также имѣть ученымъ и неученымъ людямъ разныя волшебныя и богоненавистныя книги и писанія, польскія, латинскія, нѣмецкія, лютерскія и кальвинскія: такія книги велѣно отбирать и сожигать; человѣку же, поступающему противно этому правилу и держащему у себя въ домѣ возбраняемыя книги, положена опять казнь сожженія. Въ видахъ охраненія православія даже домашними учителями не позволяется имѣть иностранцевъ и иновѣрцевъ. Такія стремленія—необходимая дань своему времени. Идея вѣротерпимости доселѣ не выработана надлежащимъ образомъ: чего жь мы должны требовать отъ XVII вѣка и притомъ на нашей Руси, гдѣ только зачиналась заря просвѣщенія? При-

476/75

помнимъ ту ожесточенную борьбу, какую велъ когда-то противъ диссидентовъ просвѣщенный западъ, и то фанатическое преслѣдованіе, съ какимъ относились паписты къ лютеранамъ и кальвинистамъ и обратно. При недостаточномъ развитіи международныхъ сношеній, каждая частность, непринятая народнымъ духомъ, болѣзненно и раздражительно дѣйствуетъ на него, когда соприкасается съ нимъ. Народъ въ вѣрѣ видитъ первую и самую дорогую свою святыню. Въ XVII вѣкѣ даже и просвѣщенные русскіе естественно могли думать, что русская мысль, слабая своимъ развитіемъ, не можетъ твердо устоять, когда столкнется съ вліяніемъ чужой мысли, болѣе развитой и болѣе сильной искусственною діалектикою, хотя и лживо направленной. Полоцкій чувствовалъ пользу, какою можно было заимствоваться отъ западной науки, но эта польза въ его представленіи и представленіи другихъ русскихъ его современниковъ, стушевывалась предъ тою опасностію, какою вліяніе иновѣрцевъ грозило неприкосновенности нашей вѣры. Въ комедіи (*) о блудномъ сынѣ отецъ, представитель воззрѣній на этотъ предметъ Полоцкаго и его современниковъ, говоритъ:

Добро есть...
Чуждыя страны съ умомъ посѣщати.
Но то удобно таковымъ творити,
Иже начаша славно въ дому жити.

Онъ боится, какъ бы молодой человѣкъ, отправляющійся въ чужіе края вмѣсто того, чтобы въ *странствіи* обогатиться умомъ, не потерялъ и того послѣдняго достоянія, какое досталось ему дома, и не сдѣлался совершенно нищимъ и никуда неспособнымъ.

(*) Др. Росс. Вивл. Ч. VIII. 39.

Вотъ нѣсколько пунктовъ, которые обращаютъ на себя вниманіе въ сочиненіяхъ Полоцкаго. На основаніи ихъ уже можно составить себѣ понятіе о воззрѣніи Полоцкаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о характерѣ отразившагося въ немъ воззрѣнія эпохи. Для большей полноты и ясности характеристики литературной дѣятельности Полоцкаго, скажемъ еще о каждомъ, болѣе или менѣе замѣчательномъ, его произведеніи въ отдѣльности.

II.

Мысль Полоцкаго прежде всего выражается въ *Вѣнцѣ вѣры*, большомъ связномъ произведеніи, раскрывающемъ одинъ предметъ на 150 письменныхъ листахъ (*).

На Вѣнецъ вѣры мы должны обратить вниманіе, потому что это первая полная догматика, явившаяся на сѣверѣ Россіи, между тѣмъ въ печати Вѣнецъ вѣры неизвѣстенъ. Въ основаніи этого произведенія лежитъ апостольскій символъ; по порядку членовъ символа расположенъ и планъ сочиненія. Но прежде изъясненія символа, Полоцкій счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній, относящихся къ богословію. Въ 1-й главѣ Полоцкій изъясняетъ названіе христіанъ, его историческое происхожденіе и его значеніе; во

(*) Полоцкій далъ этому труду фигурное, громкое и длинное заглавіе. Оно надписывалось такъ: *Вѣнецъ Вѣры каѳолическія, на основаніи символа святыхъ апостоловъ изъ различныхъ цвѣтовъ богословскихъ и прочихъ сплетенный, и душамъ вѣрныхъ, яко душамъ жениха небеснаго во украшеніе и въ воню благоуханія духовнаго сооруженный, трудолюбіемъ многогрѣшнаго Іеромонаха Симеона Петровскаго Ситіановича, въ лѣто отъ созданія міра 7178, а отъ рождества еже по плоти Господа нашего Іисуса Христа 1670 мѣсяца іюня въ 9 день.*

2-й говоритъ о *вѣрѣ*, условіяхъ и свойствахъ истинной вѣры, причисляя ее къ разряду трехъ богословскихъ добродѣтелей; поставляя вмѣстѣ съ нею надежду и любовь, авторъ замѣчаетъ: о сею двою послѣднія послѣжде, аще Господь изволитъ, нынѣ же о вѣрѣ бесѣдовати годствуетъ. Вѣнецъ вѣры содержитъ только изъясненіе вѣры. Въ 3-й главѣ сообщается понятіе о ереси, въ 4-й о символѣ: понятіе о немъ, перечисленіе извѣстнѣйшихъ символовъ, исторія составленія символа апостольскаго; здѣсь приводится извѣстное преданіе о томъ, какому апостолу какой членъ вѣры принадлежитъ. Въ той же главѣ, въ качествѣ предварительныхъ понятій, излагается ученіе о познаніи Бога, средствахъ и достоинствѣ нашего богопознанія, потомъ о свойствахъ Божіихъ, промышленіи и предопредѣленіи, съ прибавкою многихъ частныхъ вопросовъ. За тѣмъ съ 5 главы начинается уже толкованіе символа; глава эта, какъ и слѣдующія, раздѣлена на нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій: первое разсужденіе защищаетъ единство Божіе, нападаетъ на языческое многобожіе и греческую миѳологію и показываетъ непостижимость троичности единаго Божества; второе разсужденіе опредѣляетъ, что̀ значитъ вѣровати, почему *вѣрую* глаголъ полагается въ началѣ символа и что значитъ вѣровати въ Бога и Богу. Третіе разсужденіе изъясняетъ смыслъ имени: *Отецъ*, четвертое говоритъ о всемогуществѣ Божіемъ, показываетъ основанія, почему имя всемогущаго приписывается Богу Отцу, и рѣшаетъ разныя схоластическія возраженія противъ всемогущества Божія, въ родѣ тѣхъ, что Богъ не можетъ умереть, болѣть, измѣняться, передвигаться съ мѣста на мѣсто, не можетъ создать другого Бога, равнаго себѣ, не можетъ улучшаться и т. п. Пятое разсужденіе говоритъ о твореніи и касается ложныхъ ученій о семъ предметѣ; въ

шестомъ разсужденіи о словахъ *Творца неба и земли*, авторъ удивляется премудрости творенія, и говоритъ о его цѣли; въ седьмомъ излагаетъ естественное своеобразное ученіе о небесахъ, звѣздахъ и землѣ, въ осьмомъ о созданіи ангеловъ и чинахъ ангельскихъ, въ девятомъ о свойствахъ служенія коегождо чина, въ десятомъ—о храненіи ангельскомъ человѣковъ, въ одинадцатомъ о злыхъ ангелахъ, въ 12 о созданіи человѣка и райской жизни его. Вторый составъ или членъ апостольскаго символа толкуется въ 6 и 7 главахъ. 6 глава говоритъ о потребѣ воплощенія, съ присовокупленіемъ рѣшенія многихъ частныхъ вопросовъ, 7-я разсуждаетъ во первыхъ о имени Іисусъ, во вторыхъ о имени Христосъ, въ третьихъ изъясняетъ слова *сына Его единаго, Господа нашего*; 8-я глава изъясняетъ третій членъ и состоитъ изъ разсужденій: 1) о благовѣстіи и благовѣстникѣ 2) о зачатіи Бога Слова и чудесехъ, въ немъ бывшихъ, 3) о рождествѣ Христовѣ, 4) о пользѣ рождества Христова, 5) о дѣвствѣ Маріи Богородицы. Девятая глава, разбирающая четвертый членъ, тоже раздѣлена на нѣсколько разсужденій: первое разсужденіе о Христѣ въ вертоградѣ, 2-е о біеніи Христа Господа, 3-е о Христѣ Господѣ, крестъ носящемъ, 4-е о распятіи Христа, Бога нашего, 5-е о крестѣ Господнемъ, 6-е о смерти Христовой, 7-е о гробѣ и погребеніи Христовѣ. Десятая глава, толкующая 5-й составъ символа, состоитъ изъ разсужденій, 1) о Христовомъ во адъ нисшествіи, 2) о воскресеніи Христовѣ, 3) о пользѣ воскресенія Христова; одинадцатая, на шестой членъ, 1) излагаетъ общія христіанскія вѣрованія о вознесеніи Іисуса Христа, 2) въ частности опредѣляетъ то, откуду, въ какое время и какъ вознесся Христосъ Господь, 3) разсуждаетъ о томъ, какъ сѣде одесную Христосъ Господь, 4) о пользѣ вознесенія Го-

сподня. Двѣнадцатая глава о седьмомъ членѣ—очень подробно излагаетъ предположительныя вѣрованія о будущихъ послѣднихъ временахъ міра; тутъ 1) встрѣчается отдѣльное разсужденіе объ антихристѣ, 2) объ искушеніи антихристовѣ, 3) о царствованіи антихриста, 6) о страшныхъ знаменѣхъ, страшный судъ предварити имущихъ, 7) о огни предъ лицемъ Господнимъ, 8) о явленіи Креста Господа (предъ кончиною міра), 9) о воскресеніи мертвыхъ, 10) о страшномъ судѣ, 11) о судити имущихъ, 12) о имущихъ судитися, 13) о словесахъ суда Христова, 14) о обновленіи вселенныя, 15) о казни проклятыхъ, 16) о воли и разумѣ осужденниковъ, 17) о милосердіи Божіемъ ко осужденникамъ. Тринадцатая глава на восьмой членъ разсуждаетъ: 1) о имени *духъ* 2) о Духѣ Святѣ, Его равенствѣ со Отцемъ и Сыномъ и главномъ Его свойствѣ, по которому Онъ называется животворящимъ, 3/ о явленіи Святаго Духа, 4) о исхожденіи Святаго Духа 5) о дарахъ и плодахъ св. Духа. Въ главѣ 14-й, толкующей девятый членъ, 1) излагается общее понятіе о церкви, 2) о различныхъ именахъ церкви, 3) ея свойствахъ; въ 15-й разсуждается 1) объ общеніи святыхъ 2) объ оставленіи грѣховъ, 3) о различіи грѣховъ (т. е. о грѣхѣ первородномъ, грѣхахъ частныхъ, смертныхъ и простительныхъ.) 16-я глава, разбирающая одиннадцатый членъ, говоритъ о воскресеніи плоти: о воскресеніи мертвыхъ есть разсужденіе въ 12-й главѣ, гдѣ толкуется 7-й членъ вѣры, но тамъ говорится вообще о воскресеніи въ томъ смыслѣ, что всѣ возстанутъ на судъ по гласу архангелову, здѣсь подробнѣе излагается ученіе о томъ, въ чемъ будетъ состоять воскресеніе, и какимъ образомъ оно совершится. Тутъ собрано 1) больше свидѣтельствъ въ доказательство дѣйствительности будущаго воскресенія плоти, 2) доказывается, что возстанетъ

то же тѣло, которое соединено было съ душею на землѣ, а не другое, 3) разсуждается о вѣнахъ или свойствахъ прославленныхъ тѣлъ, 4) о тѣлесѣхъ осужденничихъ, 5) о трубѣ прежде воскресенія мертвыхъ, 6) о мѣстѣ возстанія тѣлесъ, 7) о времени воскресенія мертвыхъ. 17-я глава о жизни вѣчной, и разсужденіе о томъ, на чесомъ залежитъ жизнь вѣчная, т. е. въ чемъ будетъ состоять она, конецъ и кентръ нашъ,—заключаетъ книгу, на концѣ которой авторъ выражаетъ желаніе чтобы и любезный читатель сподобился жизни вѣчной и въ кровѣхъ небесныхъ водворился.

Изъ этого перечисленія предметовъ, входящихъ въ составъ произведенія Полоцкаго, видно, что оно представляетъ собою полную догматику, полный курсъ вѣроученія христіанскаго.

Кромѣ раскрытія догматическихъ истинъ въ книгѣ Полоцкаго есть не мало гаданій, которые впрочемъ и самъ онъ выдаетъ за частныя предположенія. Въ предисловіи къ книгѣ Полоцкій говоритъ, что у него приплетены къ Вѣнцу нѣкіе внѣшніе цвѣты, что въ его догматикѣ раскрыты многія вещи вѣдѣнія ради, а не увѣренія дѣля т. е. ихъ можно только принимать къ свѣдѣнію, а не прилагать къ нимъ полной вѣры. И при раскрытіи подобныхъ предметовъ, Полоцкій не разъ оговаривается и замѣчаетъ, что этому нельзя вѣрить безусловно. Однакожъ эта предположительная часть, состоящая изъ гаданій, простирается далѣе, чѣмъ думаетъ самъ авторъ. Даже тамъ, гдѣ Полоцкій думаетъ придавать свидѣтельству или разсказу полную вѣру, какъ напримѣръ въ сужденіи объ антихристѣ и послѣднихъ временахъ міра, иногда является очень мало догматически—несомнѣннаго, и мысль вращается въ сферѣ фантазіи, а не точнаго разсужденія.

Раскрытіе истины идетъ въ Вѣнцѣ вѣры не по вопросамъ и отвѣтамъ, какъ въ катихизисахъ, а главнымъ образомъ въ формѣ и тонѣ разсужденія. Вопросы являются въ концѣ разсужденія, какъ возраженія, часто пустыя и мелочныя противъ положительнаго раскрытія догмата, или—какъ проявленія пытливости мысли самаго автора, увлекающейся за предѣлы точнаго познанія, опирающагося на положительныя доказательства. Догматъ развивается и доказывается у Полоцкаго тѣмъ же путемъ, какой теперь замѣчается у нашихъ догматистовъ. Тексты священнаго писанія и свидѣтельства свв. отцовъ—вотъ главное основаніе догмата; есть по мѣстамъ и умственныя соображенія. Замѣчательно, что на ряду съ отцами церкви у Полоцкаго, впрочемъ большею частію при рѣшеніи частныхъ схоластическихъ вопросовъ, упоминаются и западные богословы. Такъ онъ ссылается на *Беллярмина* въ разсужденіи о смерти Христовой, доказывая, что Іисусъ Христосъ пригвожденъ былъ ко кресту четырьмя, а не тремя гвоздями, на *Герсона* при рѣшеніи схоластическаго вопроса о томъ, почему въ церкви не почитается оселъ, на которомъ возсѣдалъ Іисусъ Христосъ при вшествіи своемъ въ Іерусалимъ, когда почитаются гвозди, копье, крестъ и прочія орудія смерти Христовой, освященныя прикосновеніемъ Его пречистой плоти,—на *Баронія* при свидѣтельствѣ о древности трисвятаго въ разсужденіи о Духѣ Святомъ и т. д. Иногда помогаютъ ему утвердить свою мысль разныя апокрифическія сочиненія: напримѣръ, рѣшая вопросъ изъ какого дерева состоялъ крестъ христовъ, онъ приводитъ сказаніе изъ Никодимова евангелія, еще изъ нѣкоей, мало достовѣрной, исторіи греческой, и изъ одной апокрифической славянской рукописи объ Авраамѣ, пославшемъ Лота къ рѣкѣ Нилу за тремя главнями, курящими

неугасимымъ огнемъ. Въ разсужденіи о дѣвствѣ Богоматери, Полоцкій ссылается на *свѣтлыя пророщанія* языческихъ сивиллъ: фригійской, оритрійской, самосской, персидской, кумиской, делфійской, кумассійской, тивуртійской. Развитіе мыслей у Полоцкаго обильно; но это обиліе не въ томъ состоитъ, чтобы выставлять ряды доказательствъ на одну и туже мысль, закованные въ схоластическія формулы, приведенные въ связь и соподчиненіе логическими раздѣленіями и подраздѣленіями,—а въ томъ, чтобы раскрыть большее число сторонъ въ избранномъ предметѣ, и дать отвѣтъ на большее число вопросовъ; потому у Полоцкаго слѣдуетъ вопросъ за вопросомъ; и если найдено рѣшеніе вопроса, подтвержденное однимъ или двумя свидѣтельствами, если разъясненъ одинъ предметъ при помощи указаній одного или двухъ отцовъ, Полоцкій считаетъ себя удовлетвореннымъ. Иногда умышленно оставляетъ онъ обычныя доказательства на извѣстную мысль, чтобы не наскучить читателю. Полемики въ Вѣнцѣ вѣры немного: противъ неправославія онъ возстаетъ только въ одномъ пунктѣ объ исхожденіи Святаго Духа; кромѣ этого встрѣчаются только указанія на нелѣпости древнихъ языческихъ вѣрованій. Воодушевляясь предметомъ, авторъ Вѣнца вѣры нерѣдко оставляетъ научный тонъ и переходитъ въ тонъ ораторскій. Этотъ ораторскій тонъ особенно отличаетъ въ Вѣнцѣ вѣры девятую главу, трактующую о страданіи и смерти Христовой. Здѣсь Полоцкій какъ будто боялся, какъ бы сухое историческое изложеніе не ослабило силы великаго событія; семь разсужденій въ девятой главѣ больше похожи на размышленія о предметѣ, чѣмъ на разсудочныя изслѣдованія его. Послѣ раскрытія догматическаго ученія, авторъ нерѣдко обращается къ читателямъ съ краткимъ нравственнымъ

увѣщаніемъ, а иногда и съ обличеніемъ. Впрочемъ нравственныя разсужденія нигдѣ не нарушаютъ систематической стройности развитія мысли.

При полнотѣ и ясности представленія дѣла догматика Полоцкаго всего болѣе страдаетъ *отсутствіемъ самостоятельной мысли, отсутствіемъ критики*. Конечно, въ догматикѣ критическое начало не можетъ имѣть такое полное примѣненіе, какое умѣстно для него въ другой области знанія. Но здѣсь, если не внутреннее существо вѣры, то всякое свидѣтельство должно быть обсуживаемо со стороны внѣшней и внутренней своей достовѣрности, а у Полоцкаго на ряду съ свидѣтелями достовѣрными поставлены такіе, которые обличаютъ себя самымъ смысломъ своего сказанія. Онъ довѣряетъ чужимъ, и притомъ весьма сомнительнаго происхожденія и значенія свидѣтельствамъ даже въ такихъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о предметахъ, неподлежащихъ догматическимъ опредѣленіямъ. За чужимъ голосомъ онъ нерѣдко скрываетъ свое собственное мнѣніе. Конечно, иной разъ нѣтъ нужды самому автору и высказывать свое сужденіе, напримѣръ, когда онъ занимается рѣшеніемъ вопроса о томъ, въ какомъ мѣстѣ и въ какое время дня и года будетъ страшный судъ и т. под. Но самое существованіе подобныхъ вопросовъ въ системѣ показываетъ слабость критической силы въ авторѣ; а еще болѣе о томъ свидѣтельствуетъ приведеніе на подобный вопросъ категорическаго рѣшенія, кому бы это рѣшеніе ни принадлежало. Въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ Полоцкій считалъ долгомъ своимъ приводить мнѣнія, иногда различныя до противоположности; въ этомъ случаѣ его любимый оборотъ: иные такъ говорятъ объ этомъ, другіе иначе, и третьи еще иначе и т. п. Читателю предоставлялось выбирать любое мнѣніе. Если встрѣчаются два противоположныя свидѣтельства объ одномъ

предметѣ и со стороны лицъ одинаково авторитетныхъ, Полоцкій впадаетъ въ совершенную нерѣшительность, даже и въ томъ случаѣ, когда его симпатія склоняется, очевидно, на одну сторону.

Въ догматикѣ Полоцкаго нельзя не видѣть сильнаго вліянія схоластики, которая тогда еще господствовала въ западномъ богословіи, особенно-католическомъ, знакомомъ Симеону по польскимъ езуитскимъ школамъ. Вліяніе это всего болѣе отражается во множествѣ утонченныхъ изслѣдованій о разныхъ пустыхъ и неразрѣшимыхъ вопросахъ, въ родѣ того напр. сколько времени будетъ продолжаться страшный судъ, или какія слова будетъ издавать труба архангеловъ предъ воскресеніемъ мертвыхъ. Намъ интересно знать теперь, въ какія тонкости, а вмѣстѣ и въ какое простодушіе увлекалось наше древнее богословіе. Симеонъ, какъ представительное лицо въ нашей духовной литературѣ, своей догматикою очень ясно показываетъ, до какого уровня поднималось религіозное сознаніе нашего отечества въ послѣдней половинѣ XVII вѣка. Конечно въ его воззрѣніяхъ и гаданіяхъ нельзя видѣть цѣльнаго выраженія народнаго русскаго, собственно религіознаго сознанія того времени; многое лично принадлежитъ ему самому, во многомъ, очевидно, отражается вліяніе западной схоластики. Тѣмъ не менѣе для исторіи важно опредѣлить уже то самое, на сколько воззрѣнія нашихъ древнихъ богослововъ были развитіемъ общихъ христіанскихъ идей, на сколько имѣла вліянія на нихъ западная богословская наука, и на сколько наконецъ они служили выраженіемъ народныхъ религіозныхъ воззрѣній?

Укажемъ на нѣкоторыя наиболѣе характеристическія мнѣнія находящіяся въ Вѣнцѣ вѣры. При толкованіи словъ символа:

Творца неба и земли, Полоцкій выказываетъ свои астрономическія воззрѣнія. Весь видимый міръ у него представляется состоящимъ изъ двухъ естествъ: естества небесъ и естества стихійнаго; неба онъ насчитываетъ три—эмпирейское, кристальное и твердь. Эмпирейское—престолъ всемогущаго Бога есть небо неподвижное; кристальное имѣетъ два круга: первый—небо перводвижное, движущееся съ неизрѣченною скоростію, и движущее прочія небеса отъ востока на западъ; вторый—небо просто кристальное или водное, имѣющее прозрачную свѣтлость; твердь—небо содержащее звѣзды, планеты и раздѣляющееся на восемь круговъ. Далѣе, здѣсь говорится о томъ, сколько верстъ отъ земли до луны, отъ луны до ермія (меркурія), отъ ермія до афродиты и т. под; и наконецъ, сколько отъ земли до звѣзднаго неба. Мы узнаемъ здѣсь не только то, какого свойства небо, но и то, что эмпирейское небо больше всего на свѣтѣ и имѣетъ въ себѣ 10314 темъ, 85710 миль протяженія. Небеса раздѣляются между собою водою, по слову бытописанія: *и сотвори Богъ твердь, и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію, и посредъ воды яже бѣ надъ твердію* (изъ нея же бысть Божіимъ повелѣніемъ кристальное небо). Небеса имѣютъ 12 зодій или звѣрицевъ (знаковъ зодіака); когда движутся круги небесные, отъ вышнихъ тѣлесъ въ нижнія наплываетъ движущая чувствующая сила. Звѣзды водружены въ тверди, съ которою постоянно движутся, но не плаваютъ въ водахъ, какъ рыбы: они веществомъ чисты, образомъ круглы, количествомъ велики и явленіемъ малы, качествомъ свѣтлы, дольныхъ вещей родительны, возбуждаютъ ведро и безведріе. Звѣзды нижайшія именуются планеты, спрѣчь блудящія, яко иногда прямо себѣ, а иногда вспять шествуютъ и противное тверди теченіе дѣютъ, отъ наплытія перводвижнаго неба движутся пря-

мо, теченіемъ собственнымъ себя движутъ косвенно и пр. и пр. Земля центръ всего міра, трусомъ терзается отъ внутрь замкненныхъ духовъ, не движима основаніемъ, не основана на водахъ, какъ думаютъ нѣкоторые. Вѣдѣнія ради, а не вѣры Полоцкій сообщаетъ, далеко ли центръ земли отъ верха земнаго; по мнѣнію однихъ до 4000 тысячъ италійскихъ миль, а по запискѣ Діонисіодора, положенной въ его гробѣ, до 42000 стадій; отъ центра же земли до эмпирейскаго неба, если бы кому-нибудь идти каждый часъ по 80 миль, то нельзя достигнуть и въ пятьдесятъ тысячъ лѣтъ; отъ земли до тверди небесныя считаютъ до 80 темъ миль, столько же отъ низу тверди до верху ея и пр. и пр. Видно, что Полоцкій читалъ астрономическія сочиненія, какія могъ достать въ Россіи. Не даромъ его считали астрологомъ, знавшимъ законы и языки звѣздъ.

Обратимся къ другому трактату о духовномъ мірѣ, объ ангелахъ. Послѣ гаданій о числѣ ангеловъ, мы встрѣтимъ здѣсь рѣшеніе такихъ вопросовъ: какъ говорятъ другъ съ другомъ ангелы, какое различіе въ служеніи различныхъ чиновъ ангельскихъ,—узнаемъ, что Пресвятая Богородица имѣла двухъ ангеловъ хранителей, начальнѣйшаго изъ ангеловъ и архангела Гавріила; встрѣтимся съ вопросомъ о томъ, имѣлъ ли Іисусъ Христосъ ангела хранителя, изъ какого чина были отпадшіе духи и т. под. Если кто хочетъ знать мнѣніе о томъ, въ какомъ мѣстѣ сотворенъ Адамъ, сколько времени былъ въ раю, какъ бы размножались люди, еслибы Адамъ не согрѣшилъ, каковы были бы у него дѣти, гдѣ жили бы и какимъ образомъ могли бы вмѣщаться въ раю, куда пошелъ Адамъ изъ рая послѣ грѣхопаденія,—если кто интересуется подобнымъ вопросами, тотъ можетъ найдти въ Вѣнцѣ вѣры собраніе множества мнѣній

объ этихъ загадочныхъ вопросахъ: здѣсь можно узнать, что Адамъ созданъ въ полѣ, идѣже Дамаскъ или Хевронъ, что райской жизни Адаму иные назначаютъ только 8 дней, другіе 6 часовъ, третьи 7 лѣтъ, четвертые 100 лѣтъ (Филонъ) и проч., что большинство учителей отвергаетъ нужду брачнаго совокупленія, если бы не было грѣхопаденія и т. п. Излагая догматъ о воплощеніи Бога Слова, Полоцкій и здѣсь находитъ случай задавать себѣ мелкіе схоластическіе вопросы въ родѣ того, изъ какого чина архангелъ Гавріилъ, послужившій тайнѣ воплощенія, для чего родился Іисусъ Христосъ въ декабрѣ, въ какой день недѣли и въ какой часъ дня было благовѣщеніе и рожденіе Спасителя (въ пятокъ), могъ ли говорить и ходить Іисусъ Христосъ тотчасъ по рожденіи, зачѣмъ Онъ только трехъ царей языческихъ со дары къ Себѣ захотѣлъ привлещи. Исторія древа крестнаго излагается очень подробно; она начинается отъ Адама и тянется чрезъ всю ветхозавѣтную исторію. Здѣсь повѣствуется о томъ, какъ Симъ получилъ отъ ангела вѣтвь отъ древа, о немъ же согрѣшилъ Адамъ, какъ посадилъ его надъ гробомъ своего отца, какъ Соломонъ велѣлъ срубить выросшее изъ этой вѣтви древо, и положить въ своемъ домѣ, какъ оно не могло помѣститься въ немъ, и вообще не могло быть употреблено ни на какую потребу, — какъ художники, разсердившись, бросили его надъ однимъ потокомъ, чтобы оно служило здѣсь перекладиною и мостомъ,—какъ царица Савская не хотѣла идти по этой перекладинѣ, и даже поклонилась ей,—какъ Соломонъ, услышавъ объ этомъ, велѣлъ сохранить это древо въ глубочайшей ямѣ, въ которой дѣлалась овчая купель какъ оно выплыло на верхъ ко времени страданія Христова и пр. Даже при разсужденіи о воскресеніи Христовомъ Полоцкій предлагаетъ много утонченныхъ замѣчаній.

Объ антихристѣ у Полоцкаго цѣлая эпопея. Вотъ онъ раждается отъ жены блудницы, отъ народа еврейскаго, изъ колѣна Данова, раждается въ Вавилонѣ. Хотя нѣкоторые говорятъ, что онъ будетъ воплощенный діаволъ или родится отъ смѣшенія блудницы съ діаволомъ, но самымъ дѣломъ не демонъ будетъ его отцемъ, а человѣкъ, отъ котораго демонъ возметъ сѣмя. У него будетъ въ началѣ ангелъ хранитель, но послѣ этотъ ангелъ оставитъ его, когда увидитъ его ожесточеніе. Онъ возлицемѣрствуетъ благостыню, да удобнѣе прельстити возможетъ, не будетъ явно кланяться идоламъ, но въ тайнѣ будетъ славить Бога *Маозея*. У него будетъ сноспѣшникъ жрецъ изъ христіанскаго полка. Онъ положитъ людямъ, поклонившимся ему, знаменіе на десной рукѣ или на челѣ, а прочимъ, не имѣющимъ знаменія, нельзя будетъ ничего ни купить, ни продать. Будетъ же онъ словесенъ и разума исполненъ; всѣ хитрости ученія узнаетъ, и его лжепророки и лжепроповѣдники пойдутъ по всей землѣ; иныхъ онъ будетъ привлекать ласкою, другихъ страхомъ и мученіями, наконецъ для склоненія людей на свою сторону будетъ творить чудеса. Орудіе сатаны—антихристъ лестію и пособіемъ діавольскимъ достигнетъ царства, начнетъ царствовать въ Вавилонѣ, распространитъ свое царство побѣжденіемъ многихъ царей, побѣдитъ и убьетъ трехъ царей: египетскаго, ѳіопскаго и африйскаго; положитъ же престолъ свой въ Іерусалимѣ. Одна Аравія останется непокорною ему. Тогда востанутъ Гогъ и Магогъ, замкнутся въ горахъ каспійскихъ, не пускаемые оттуда царицею амазонскою (о Гогѣ и Магогѣ у Полоцкаго приведены впрочемъ разныя мнѣнія). Въ царство антихриста явятся Енохъ и Илія для обличенія лести и проповѣданія истины; они будутъ пророчествовать 1260 дней, и будутъ дѣлать это, облеченные во

вретище, чтобы не только словомъ, но и дѣломъ научить людей покаянію. Антихристъ убьетъ ихъ въ Іерусалимѣ, и никто не будетъ смѣть погребсти ихъ. Но чрезъ три дня съ половиною они воскреснутъ оба; и къ нимъ во услышаніе всѣхъ будетъ голосъ съ неба: *Взыдите сюмо*, и будутъ они восхищены на небеса, а на землѣ будетъ трусъ великій, во время котораго погибнетъ 7000 человѣкъ. Послѣ убіенія и воскресенія Еноха и Иліи останется царствовать антихристу только 15 дней; а всего царства его будетъ три года съ половиною. Чрезъ 3 года съ половиною онъ притворится умершимъ, и потомъ будто воскреснетъ, и промчится вѣсть эта въ народѣ; за тѣмъ взойдетъ онъ на гору Елеонскую и вознесется на воздухъ по дѣйству діавола; но Господь убіетъ его духомъ устъ своихъ, или, какъ иные говорятъ, его убьетъ архангелъ Михаилъ безъ повелѣнія Господня, на горѣ Елеонской, когда онъ будетъ сидѣть въ своей сѣни на престолѣ. Послѣ смерти антихристовой, дано будетъ 45 дней до страшнаго суда, вѣрнымъ въ отраду, а грѣшнымъ на обращеніе и покаяніе. Затѣмъ послѣдуютъ страшныя знаменія близкой кончины міра: возгорится огонь предъ лицемъ Господнимъ, который сожжетъ всю землю и будетъ досягать такой высоты, до какой достигали воды потопныя. Но рай земный, если онъ есть, не будетъ очищенъ, небеса то же не примутъ очищенія, а только остановятся навсегда въ своемъ теченіи; море перемѣнится не по существу, но по сланости и движенію волнъ, будетъ безбурно и неслано. Затѣмъ ангелы понесутъ по небу знамя креста Христова, вострубитъ труба архангелова, которая, по изъясненію Ѳеофилакта, будетъ гласить: *уготовится вси, яко судія близъ есть*.... Послѣ звука трубнаго, всѣ тѣла воскреснутъ и будутъ собраны въ долинѣ Іосафатовой, гдѣ будетъ страшный судъ

(близь горы Елеонской въ Іерусалимѣ). Какъ вмѣстится тутъ безчисленное множество народа въ одномъ мѣстѣ, на это приведено нѣсколько мнѣній у Полоцкаго. Судъ будетъ продолжаться отъ шестаго часа дня до девятаго. Послѣ страшнаго суда, земля будетъ нова, но круги небесные не будутъ требовать очищенія, а только престанутъ отъ своего теченія, по слову пророка Исаіи: *не зайдетъ солнце тебѣ*. Солнце не будетъ двигаться, но въ антиподней странѣ не будетъ тьмы; потому что самъ воздухъ обновленною свѣтлостію разгонитъ тьму; нощь будетъ тогда только въ центрѣ земли, т. е. въ адѣ. Земля будетъ свѣтла, прозрачна, какъ лучшее стекло, безтропотное, совершенно ровна, безъ всякихъ горъ, холмовъ и долинъ; вода то же обновится въ своемъ прозрачіи и будетъ подобна кристаллу; аеръ получитъ чистоту и сіятельство, небеси подобное, и не будетъ имѣть на себѣ никакихъ воображеній, т. е. тогда не будетъ облаковъ, вѣтровъ, дождя, росы и снѣга, престанутъ громы и молнія. Звѣрей, деревъ тогда не увидятъ люди: все это сожжется окончательно огнемъ; они не примутъ обновленія; потому что будутъ ненужны для человѣка; новыхъ же тварей не сотворитъ Богъ, и ничто не возникнетъ отъ земли или воды, даже фениксъ не возстанетъ отъ пепла. Если же нѣкоторые говорятъ, что земля будетъ украшена благовонными цвѣтами, то это нужно понимать иносказательно, въ смыслѣ духовномъ. Воскресеніе мертвыхъ будетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ полночь; а по мнѣнію другихъ, въ утренній часъ; говорятъ, что оно будетъ во время праздника пасхи, весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда все начинаетъ цвѣсти, и пр. пр. Слишкомъ долго было бы перечислять всѣ апокрифическія мнѣнія, разсѣянныя въ Вѣнцѣ вѣры, всѣ утонченные схоластическіе вопросы, какими Полоцкій занималъ вниманіе читате-

лей. Мы далеко не входили во всѣ мелочи и совопросничества, какія находятся въ догматикѣ Полоцкаго.

Апокрифическая часть, очень достаточно развитая въ сочиненіи Полоцкаго, придастъ ему большой интересъ въ смыслѣ историческомъ. Полоцкому, не одному и не первому, пришли на память тѣ вопросы и представленія, какія онъ сообщаетъ. Онъ собиралъ готовыя мнѣнія и былъ посредникомъ между ходячимъ или записаннымъ преданіемъ и народомъ. И нынѣ интересно знать съ ученой точки зрѣнія, что̀ думали и что̀ говорили разные учители касательно апокрифическихъ предметовъ. Притомъ многіе частные вопросы изъ разсмотрѣнныхъ въ Вѣнцѣ существуютъ доселѣ; масса народная и доселѣ нерѣдко относится къ богословской наукѣ съ такими же требованіями и вопросами, какіе разсѣяны въ произведеніи Полоцкаго. Можно сказать даже, что простой народъ доселѣ съ большою любовію готовъ слушать апокрифическія преданія. Въ вѣкъ Полоцкаго воззрѣніе нынѣшней народной массы было болѣе общимъ, чѣмъ теперь. Тогда богословская книга, если хотѣла быть интересною, должна была входить во всѣ утонченныя извитія словесъ и образовъ, должна была украшаться разными, хоть мало достовѣрными, но заманчивыми и многорѣшающими сказаніями и мнѣніями. Тогда о критикѣ не думали: что̀ сказано, еще въ печати и великимъ учителемъ; то было свято. Полоцкій конечно думалъ, что онъ своимъ Вѣнцомъ доставляетъ замѣчательнѣйшее произведеніе своимъ современникамъ, и не даромъ назвалъ его въ предисловіи Вѣнцомъ, *прекраснѣ* сплетеннымъ.

В. Пѣвницкій

(Продолженіе будетъ.)

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ(*)

III.

Памятникомъ полемической дѣятельности Полоцкаго остался *Жезлъ Правленія* (**); это сочиненіе прежде приписывали патріарху Іоасафу, потому что онъ изданъ отъ его имени и имени освященнаго собора русскаго. Но послѣ нашли черновой подлинникъ этого *Жезла*, и на этомъ подлинникѣ показано даже, что Полоцкій сочинялъ его въ теченіе времени отъ 18 мая до 13 іюля 1666 года. Изданіе его показываетъ, что онъ писанъ былъ по порученію власти. Названіе взято отъ жезла архіерейскаго: потому этотъ жезлъ и нарисованъ на заглавномъ листѣ полемической книги.

(*) Первая статья напечатана въ октябрьской книжкѣ.

(**) Полное заглавіе таково: *Жезлъ Правленія*, на правительство мысленнаго стада православнороссійскія церкви,—*Утвержденія*, во утвержденіе колеблющихся въ вѣрѣ,—*Наказанія*, въ наказаніе непокорныхъ овецъ,—*Казненія*, на пораженіе жестоковыйныхъ и хищныхъ волковъ, на стадо Христово нападающихъ: сооруженный отъ всего священнаго собора, собраннаго повелѣніемъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, въ царствующемъ, богоспасаемомъ и преименитомъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7174. Мѣсяца маія въ 7-й день (1666).

Длинное предисловіе объясняетъ это названіе, и показываетъ, почему жезлъ архіерейскій долженъ и можетъ быть названъ жезломъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія. Жезлъ посвященъ Алексѣю Михайловичу; посвященіе писано отъ лица патріарха Іоасафа. Въ посвященіи патріархъ величаетъ Алексѣя Михайловича за ревность по вѣрѣ, упоминаетъ «о своей немощи и скудости здравія, дѣлающихъ его неравнымъ и недовольнымъ для высоты архіерейскаго предсѣдательства, и говоритъ, что въ началѣ трудопріятія его Помощникъ и Покровитель послалъ ему помошь отъ Сіона, когда далъ въ подпоръ его старости—жезлъ сей мысленный, трудолюбіемъ преосвященнаго собора тщаліемъ сооруженный, благословеніемъ же святѣйшихъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго типомъ изданный», и проситъ царскаго защищенія для того, чтобы жезлъ этотъ благополучно могъ странствовать по Россіи и не пострадалъ ни отъ какого насилія, и чтобы псы многи не уязвили патріарха ядовитымъ своимъ угрызеніемъ.

Противъ кого же освященный соборъ русскихъ іерарховъ посылалъ за себя борцомъ Симеона Полоцкаго? Предисловіе къ благочестивому читателю говоритъ, что «нынѣ сатанинымъ дѣйствомъ вооружились на новаго израиля вторые филистимляне, которые нестерпимыми хулами уничижаютъ Бога и святыхъ Его, и всю церковь Христову; отъ нихъ же, уподобився прегордому оному Голіаѳу, вопервыхъ исходитъ Никита, бывшій попъ соборныя церкви Суздаля града, паче самого онаго исполина Голіаѳа досаждая своими хуленми полкомъ новаго израиля, си есть святѣй церкви. Равный борецъ и подобный Никитѣ хулитель—Лазарь попъ съ своимъ богомерзкимъ полчищемъ: онъ стремился уязвить невѣсту не-

беснаго жениха хульными клеветами, какъ острыми стрѣлами, напоенными ядомъ аспидовымъ, и хотѣлъ отторгнуть ея крылья, которыми она паритъ по вселенной, то есть предать попранію святыя писанія, добрѣ исправленныя». Противъ этихъ двухъ борцовъ выходилъ Полоцкій отъ лица освященнаго собора, какъ Давидъ, съ своимъ мысленнымъ жезломъ, имѣя въ виду опровергнуть двѣ знаменитыя ихъ челобитныя. Выходя противъ новаго Голіаѳа, новый Давидъ говоритъ ему: «се мы отъимемъ главу твою отъ тебе (сирѣчь твердь и основаніе ересей твоихъ), и дамы тѣло твое (си есть прочія уды или части хуленія твоего) и тѣлеса полка твоего иноплеменника (еже есть и иныя сверстники твоя и вся хуленія ихъ) въ день сей птицамъ небеснымъ (сирѣчь духовомъ злобы поднебеснымъ на изможденіе), и тогда разумѣетъ вся земля, яко есть Господъ Богъ во Израили». Новый Давидъ, съ полною увѣренностью въ побѣдѣ, проситъ всякаго православнаго выходить смотрѣть мысленными очами на позорище духовной брани и видѣть побѣду сего *Жезла* надъ Голіаѳомъ и всѣмъ полкомъ его.

Въ своемъ Жезлѣ Полоцкій представляетъ Никиту, Лазаря и другихъ расколоучителей, какъ и нынѣ представляютъ ихъ, совершенными невѣждами. Онъ не разъ напоминаетъ Никитѣ, что напрасно дерзаетъ онъ «пущать умъ свой въ богословскія глубины, и что, взявшись за дѣло выше силъ своихъ, онъ утопаетъ на брезѣ грамматическаго разума и въ мелкости его». Отсылаетъ онъ и Лазаря «къ дѣтямъ грамматичествующимъ», и совѣтуетъ ему прежде научиться «грамматичествовать, а потомъ уже приступать къ вящшимъ хитростямъ ученія».—Однако изъ самой челобитной Никиты, опровергаемой Полоцкимъ, видно, что онъ былъ человѣкъ начитанный, знакомый съ богословскими писаніями. Разбирая

скрижаль, напечатанную при Никонѣ, онъ думаетъ ратовать не по буквѣ, не по обрядамъ только, а по догматамъ. Извѣстно, что еще на соборѣ 1682 г., когда патріархъ сказалъ Никитѣ и пришедшимъ съ нимъ простолюдинамъ.—что *не ваше дѣло исправлять церковная, вы и грамматическаго разума не коснулись*,— Никита смѣло и рѣзко отвѣчалъ: *мы пришли не о грамматикѣ съ тобою толковать, а о церковномъ догматѣ*. А про книгу *Жезлъ* Никита говорилъ, что въ ней и пятой доли его челобитной не разобрано, и что онъ готовъ отвѣчать противъ того Жезла и въ состояніи совершенно очистить его. Изъ всего видно, что Никита — натура не бездарная, горячая и увлекающаяся. Ему не доставало только систематическаго образованія; отъ того свѣдѣнія, имъ собранныя, не возведенныя къ единству, образовали въ его головѣ хаотическое броженіе. Это даровитый начетчикъ, гордый своею начитанностію, и отъ обращенія въ невѣжественной средѣ считавшій себя всезнайкою: такіе типы могла создавать старая Русь съ своею непосредственною образованностію. Лазарь, другой противникъ, котораго Полоцкій хотѣлъ поразить Жезломъ своимъ, въ своей челобитной представляется человѣкомъ болѣе поверхностнымъ: онъ не пускается въ глубину богословія, а привязывается къ словамъ, къ частностямъ обрядным, и въ своихъ нападеніяхъ показываетъ крайнюю ограниченность. Отъ того Полоцкій меньше употребляетъ силъ на опроверженіе 70 обличеній Лазаря, чѣмъ на опроверженіе 30 обличеній Никиты.

Мы не будемъ пересказывать частныхъ мыслей, заключающихся въ полемическомъ трудѣ Полоцкаго. Онъ идетъ шагъ за шагомъ по слѣдамъ Никиты и Лазаря, отражаетъ каждый ударъ ихъ, разрушаетъ ихъ хитрыя сплетенія. Для опроверженія взводимыхъ Никитою и Лазаремъ обвиненій, онъ ссы-

лается на отеческія писанія, прибѣгаетъ къ логическимъ и грамматическимъ соображеніямъ, отсылаетъ ихъ къ исторіи и древнимъ рукописямъ, отвсюду собираетъ данныя для своихъ заключеній. Для насъ ясна истина доказательствъ и опроверженій Полоцкаго. Но умъ заподозрившій чистоту источниковъ, изъ которыхъ черпали свою мудрость обличающіе,—умъ научившійся силлогизмамъ, по словамъ Полоцкаго, въ Плутоновой, а не Платоновой діалектикѣ, не могъ стать на точку зрѣнія полемика: разсудочные сухіе доводы не въ силахъ уничтожить подозрѣнія, запавшаго въ голову, не привыкшую къ строгому упорядоченному мышленію; притомъ и самъ Симеонъ, отражая мнѣнія расколоучителей, иногда впадалъ въ неточность представленія. Такъ онъ въ мнѣніи о причастіи первородному грѣху пресвятой Дѣвы согласился съ ученіемъ Никиты, сходнымъ съ нынѣшнимъ догматомъ папистовъ о непорочномъ зачатіи Богоматери. Такія обмолвки и неточности могли, между прочимъ, произойти отъ той поспѣшности, съ какою Полоцкій изготовилъ свое обличеніе на Никиту и Лазаря.

Для насъ интересно знать характеръ полемики Полоцкаго, его нравственныя отношенія къ обличаемымъ. Полоцкій въ разборѣ перваго обличенія Лазарева говоритъ, что прилично и нужно съ смиреніемъ и кротостію подобающею отвѣчать на *безуміе, ложь и клевету* Лазаря, по примѣру Іисуса Христа и апостоловъ, молившихъ Бога о укорявшихъ ихъ. Въ устахъ Симеона, въ устахъ всего освященнаго собора русской церкви, это не должно бы было быть пустою фразою, а должно выражать сущность дѣла. Однакожъ въ сочиненіи Полоцкаго мы этого не находимъ. Тонъ его рѣзкій и грубый до фанатизма, и на каждой почти страницѣ встрѣчаются самыя увѣсистыя бранныя слова. «Ты клевещеши, окаянне (обращается къ Ни-

китѣ Полоцкій), свинія еси, попирающая бисеры; вепрь еси гнусный въ царскомъ вертоградѣ, — лисъ еси губяй виноградъ церковный,—Никита и беззаконный и невѣжда и бусловецъ: гонзайте его, яко змія ядовита. Что смрадный козлищъ въ садѣ и свинія въ вертѣ, то безумный Никита въ чтеніи и разумѣніи божественнаго писанія: яко бо козлищъ благая и плодоносная древеса объядаетъ и губитъ, свинья же скверным носомъ вертоградъ рветъ и нивочтожествуетъ: тако и скотоумный Никита сотвори въ садѣ благоплодовитомъ. Лживый Никита, какъ сатана, достоинъ низверженія изъ церковнаго небесе, отлученія отъ благодатей церковныхъ и преданія діаволу, котораго волю исполняетъ. Со единоплеменниками своими жезломъ архіерейскимъ, какъ сѣкирою, отсѣкается отъ корня церковнаго, и если не исправится, вметается въ вѣчный огонь: зубы ихъ да сокрушитъ Господь. Никита безумный ластъ, яко песъ, и взбѣсившуся псу уподобися со всѣми единомышленниками своими, терзая всѣ благія писанія зубами безумнаго хуленія своего». Лазарь честится подобными же жесткими именами: онъ безумный клеветникъ, и невѣжда, злобникъ, орудіе отца лжи,—начальника злохитрія. «Твое обличеніе (говоритъ ему Полоцкій) оплевати паче и обругати подобаетъ, и уста лживыя жезломъ, аки псу лающему, заградити, неже отвѣтъ давати»... Вотъ съ какою безцеремонностію вступали въ литературную полемику наши предки, и какъ мало жалѣли они своихъ противниковъ. Мы не должны винить лично Полоцкаго въ крутой жесткости его полемики. Жесткость была въ духѣ времени; у него не оставались въ долгу и его противники. Полоцкій прибѣгалъ къ тѣмъ же пріемамъ, какіе любили и какіе употребляли они сами. Мы не можемъ винить въ этой жесткости и одно русское общество того времени. Недо-

статокъ этотъ не на нашей почвѣ выросъ. На Западѣ, въ исторіи борьбы между папствомъ и протестанствомъ, мы видимъ еще болѣе крутаго и жесткаго фанатизма.

IV.

Главная литературная дѣятельность Полоцкаго—дѣятельность проповѣдническая. Она была у него довольно обширна: два большіе тома, изъ которыхъ каждаго нельзя сдержать одною рукою, вмѣщаютъ его проповѣдническіе труды. Въ нихъ есть слова на всѣ воскресные и праздничные дни и на дни многихъ святыхъ, и не по одному слову на каждый день, а большею частію по два, по три, даже иногда и болѣе. Къ нимъ присовокуплено нѣсколько словъ на особенные случаи, напримѣръ на погребеніе частнаго человѣка, на погребеніе человѣка военнаго, сановитаго, благоговѣйнаго, архіерея и т. д; иныя слова писаны по особеннымъ временнымъ побужденіямъ, напримѣръ по порученію власти противъ *народныхъ суевѣрій*, *о божественномъ писаніи*, и отъ кого достоитъ испытовати ихъ, съ частнымъ обращеніемъ противъ раскольниковъ, *о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ и слушаніи литургіи*, *о взысканіи мудрости*, отъ лица восточныхъ патріарховъ...

Слѣдуя современной модѣ, Полоцкій не могъ пустить въ свѣтъ своихъ словъ съ простымъ названіемъ. Соорудивши *Жезлъ правленія* и *Вѣнецъ вѣры*, въ своихъ проповѣдяхъ онъ уготовляетъ слушателямъ и читателямъ *Обѣдъ душевный* и *Вечерю душевную*. Обѣдъ и Вечеря изданы Полоцкимъ очень изящно по тогдашнему времени. Въ той и другой книгѣ первая страница вся занята довольно искусными рѣзными изо-

браженіями. Въ *Обѣдѣ* по срединѣ листа изображенъ Іисусъ Христосъ, осѣненный Духомъ Святымъ, съ надписью надъ Нимъ: *Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя;* въ рукѣ у Него раскрытая книга, на которой написано: *се обѣдъ мой уготовахъ; пріидите обѣдуйте.* Кругомъ этого большаго изображенія есть еще 15 маленькихъ изображеній: первый день міра—распространеніе свѣта изъ средней точки, въ которой написано еврейскими буквами слово *іегова*, — ковчегъ Ноевъ, остановившійся на горѣ, — прохожденіе израилемъ чермнаго моря, — ниспхожденіе манны; на правой и лѣвой сторонѣ 8 изображеній изъ жизни Спасителя: рождество Христово, пришествіе трехъ царей, Богоявленіе Господне, бракъ въ Канѣ Галилейской, насыщеніе народа пятью хлѣбами и двумя рыбами, входъ въ Іерусалимъ, воскресеніе Христово и увѣреніе Ѳомы; внизу—сошествіе Святаго Духа, второе пришествіе Христово, откровеніе Іоанна Богослова, изображенное въ 1-й главѣ апокалипсиса: явленіе среди седми свѣтильниковъ подобнаго Сыну человѣческому, держащаго въ рукѣ седмь звѣздъ. Въ этой сложной картинѣ наглядным образомъ представлена вся тайна домостроительства Божія отъ перваго дня творенія до втораго пришествія Христова и вѣчнаго откровенія славы Божіей, словомъ—все, о чемъ проповѣдывалъ Симеонъ въ своемъ Обѣдѣ. На оборотѣ листа есть еще изображеніе жертвенника, вокругъ котораго надпись: *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ*... Въ *Вечери* средину листа занимаетъ изображеніе креста Христова, съ копьемъ, губкою и терновымъ вѣнцомъ, а позади его видиѣется святый градъ. Въ малыхъ 14 изображеніяхъ: по угламъ четыре евангелиста; вверху по срединѣ изображеніе Іисуса Христа на престолѣ, по одну сторону Его Божія Матерь и архангелъ Михаилъ, по другую Іоаннъ Предтеча

анскаго долга. Онъ ставитъ себя въ положеніе немилосердыхъ, высказываетъ ихъ сужденія и возраженія, и потомъ опровергаетъ ихъ. Вотъ одинъ говоритъ: я самъ бѣденъ и не могу подавать нищимъ, другой бережетъ свои богатства на случай нечаянныхъ нуждъ и бѣдъ, третій, видя множество нищихъ, отчаевается удовлетворить ихъ .четвертый указываетъ на то, что онъ долженъ заботиться о дѣтяхъ, и для нихъ беречь лишнюю копѣйку, пятый бездѣтный думаетъ пожить въ свое удовольствіе и обѣщаетъ при смерти отдать нищимъ все свое имѣніе. Такая метода рѣчи, не останавливающаяся на отвлеченной важности правила, а преслѣдующая тѣ неблагопріятныя представленія, съ которыми оно борется въ личной жизни человѣка, — есть метода самая живая и надежная, и она то одна можетъ сообщить слову силу убѣжденія и вліяніе на слушателей.

Вечеря душевная отличается и содержаніемъ и нѣкоторыми характеристическими чертами отъ *Обѣда душевнаго*. Здѣсь помѣщены проповѣди на дни святыхъ, на праздники Господни и Богородичны. Характеръ ихъ большею частію историческій. Говоря слово въ день, посвященный памяти извѣстнаго святаго, Полоцкій большею частію раскрываетъ доблестную жизнь христіанскаго подвижника. Но при этомъ проповѣди его не составляютъ голыхъ разсказовъ. Хвалу подвигамъ древнихъ святыхъ Полоцкій старается связать съ теченіемъ движущейся современной жизни. Такою связью обыкновенно служитъ нравственная идея осуществленная въ жизни святаго, но одинаково обязательная для всѣхъ людей и всѣхъ временъ: такъ память Филиппа, митрополита московскаго, внушаетъ проповѣднику мысль объ условіяхъ истиннаго и достойнаго священства; и мысль находитъ наглядное подтвержденіе въ жизни воспоминаемаго свя-

тителя, а жизнь съ другой стороны возводится къ общему нравственному началу, выраженному съ ясною обязательностію для людей, имѣющихъ священный санъ. Подобный же оборотъ встрѣчается въ словѣ на день св. Іоанна Златоустаго, «усердно внимавшаго себѣ и всему стаду».—Не рѣдко нравственный идеалъ, осуществленный въ жизни прославляемаго святаго, прилагается у проповѣдника къ окружающей жизненной средѣ, и тогда торжественно-хвалебный тонъ слова обращается въ грустный и обличительный.

Для исторіи между словами Полоцкаго особенно замѣчательны вызванныя особенными обстоятельствами, и имѣющія спеціальное содержаніе. Это спеціальное содержаніе словамъ Полоцкаго дали: 1) расколъ, 2) стараніе о распространеніи просвѣщенія, 3) народныя суевѣрія и т. п. Противъ раскола Полоцкій вооружается въ словѣ (*) о божественномъ писаніи. Здѣсь довольно рельефно обозначается характеръ и направленіе эпохи, ознаменовавшей себя броженіемъ религіозной мысли, и нашедшей себѣ крайній исходъ въ образованіи раскольническихъ сектъ. Полоцкій жалуется на то, что «нынѣ разглагольствуютъ о богословіи мужіе, разглагольствуютъ и отроцы, бесѣдуютъ въ лѣсахъ дивіи человѣцы, препираются на торжищѣхъ скотопродатели, да не реку въ корчемницахъ піяніи, напослѣдокъ и буія женище словопреніе дѣютъ безумное, мужемъ своимъ и церкве прекающе: не помнятъ окаянныя увѣщанія, отъ учителя языкъ въ посланіи къ Тимоѳею написаннаго (**)... Слѣпцы вождествовати устремляются, и о шарѣхъ, ихже не видятъ, разсужденіе дѣютъ». Не смотря на жалобы и порицанія По-

(*) Приб. къ Веч. душ. л. 1—7.
(**) Тамъ же л. 5—7.

лоцкаго, въ такомъ направленіи времени нельзя не видѣть много жизненности; это живое возбужденіе религіознаго сознанія, при скудости умственнаго развитія разрѣшающееся въ непормальныхъ исходахъ, все же лучше совершеннаго бездѣйствія религіозной мысли. Въ другомъ словѣ, въ день сошествія Св. Духа, къ іереомъ (*) Полоцкій нападаетъ на священниковъ за то, что «великимъ нерадѣніемъ ихъ и всеконечнымъ небреженіемъ о чадѣхъ духовныхъ, премнози несмысленніи людіе, аки безсловесныя овцы отъ пути праваго житія заблудиша, и въ пропасть погибельныя жизни уклонишася... Мнози невѣгласи, никогдаже и нигдѣже учениками бывше, учители нарицатися дерзаютъ... Суть же воистину не учителіе, но мучителіе. Тѣмъ же убо изліха умножися въ людехъ злоба и преуспѣ лукавство, волхвованіе, чародѣяніе, разбой, татьба, убійства, піянство и нелѣпая играніи, грабленія, хищенія и иная тѣмъ подобная, напослѣдокъ и на обладающихъ возстаніе. Симъ же всѣмъ есть виновно наипаче отцовъ духовныхъ пескуство и нерадѣніе: яко не поучаютъ и не наказуютъ чадъ своихъ духовныхъ». Полоцкому готово было возраженіе отъ священниковъ, что мы-де не учились многому, и потому не умѣемъ и учить. На такихъ священниковъ, осуждающихъ самихъ себя своимъ оправданіемъ, Полоцкій вооружается всею силою своего слова,—говоритъ, что такой іерей «есть и соль обуявшая, и солнце помраченное, и песъ нѣмый, не могущій лаяти, что такіе іереи казнимы будутъ за беззаконія людей». Но болѣе всего возмущаетъ сердце Полоцкаго то, что въ его времена въ православномъ государствѣ россійскомъ нашлись такіе беззаконные іереи, которые не только давали благословеніе

(*) Приб. къ Веч. душ. л. 163—7.

измѣнникамъ на поднятіе оружія противъ благочестивѣйшаго самодержца, на убіеніе неповинныхъ, на мученительство и грабленіе, но и сами опорочили мечемъ и осквернили кровопролитіемъ свои освященныя руки, которыми держали тѣло и кровь Христову, сами назывались атаманами и были вождями убійцъ... Срамъ священникамъ и всѣмъ клирикамъ, что многіе изъ мірскихъ людей оказываются лучше и вѣрнѣе ихъ. Оказались вѣрнѣйшими и праведнѣйшими многіе мірскіе люди не только изъ благородныхъ, но и изъ имѣющихъ смиренное имя и малую славу, то есть, изъ слугъ боярскихъ, которые нерушимо соблюдали свою вѣру, крѣпко и непоколебимо ополчались за церковь Божію, за православнаго царя и за всѣхъ православныхъ христіанъ, и нещадно проливали кровь свою. Такихъ слугъ хвалитъ проповѣдникъ, и къ нимъ преклоняетъ на милость сердца господъ и владѣтелей ихъ. Слово это писано для того, чтобы архіерей отъ своего лица представили его священникамъ въ обличеніе и назиданіе. Потому въ заключеніи его сказано: «мы убо смиренніи архіереи, свѣтло видяще всѣхъ злыхъ приключившихся не послѣднюю быти вину пескуство іереевъ и ненаказаніе ими чадъ духовныхъ, се нынѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя, Алексія Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и по благословенію святѣйшаго Іоасафа, патріарха московскаго и всея Россіи, засвидѣтельствуемъ вамъ всѣмъ іереомъ, во святѣмъ Божіемъ храмѣ предъ престоломъ царя небеснаго, идѣже Духъ Святый священники поставляетъ, и предъ всевидящимъ Его окомъ молимъ вы, да ни едино ни въ чемъ же дасте людямъ претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ».....

О словахъ Полоцкаго, внушающихъ заботу о просвѣщеніи,

и направленныхъ противъ народныхъ суевѣрій (*), намъ случалось упоминать, когда мы характеризовали образъ его воззрѣнія на вещи. Здѣсь мы должны отмѣтить нѣкоторыя частности. Въ этихъ словахъ Полоцкій дѣйствовалъ именемъ и силою церковной власти, и его слова свидѣтельствуютъ о томъ вниманіи, какое обращала на недостатки религіозной жизни въ народѣ наша древняя церковь. Одно изъ словъ противъ недостатковъ русской религіозной жизни озаглавливается «*Поученіемъ отъ іереевъ къ сущимъ подъ ними въ пастве ихъ*», и, значитъ, назначалось священникамъ для чтенія прихожанамъ (**). Для насъ достойна полнаго вниманія, уваженія и подражанія та просвѣщенная забота, съ какою относилась церковь къ потребностямъ своего народа. Еслибы постоянно длились такія заботы, еслибы живое слово раздавалось во всѣ времена и проникало въ самые отдаленные углы нашего отечества,—уже, можетъ быть, не было бы и помину о томъ, что такъ низко ставитъ нашу народную массу въ отношеніи религіознаго просвѣщенія. Нападеніе на недостатки религіозной жизни у Полоцкаго—нападеніе не общее: оно касается частностей, преслѣдуетъ опредѣленные языческіе обычаи, и между ними беретъ тѣ въ опроверженіе, которые или наиболѣе рѣзки или болѣе другихъ распространены. Кому напримѣръ не извѣстно, что въ нашемъ народѣ издавна ведется застарѣлое уваженіе къ колдунамъ, неразумная привязанность къ ворожбѣ и чародѣйству? Противъ этого темнаго дѣла у Полоцкаго есть сильное слово. Разныя узлоношенія, бабьи спрыскиванія и врачеванія, нелѣпыя средства для предохраненія младенцевъ отъ *глаза* и для отгнанія за-

(*) Слово о взысканіи премудрости въ Приб. къ Вечери 150—3. Слово о суевѣріи л. 32—40.

(**) Поученіе отъ іереевъ къ сущимъ подъ ними. 15—23.

вистнаго глаза, гаданія у ворожей о ворахъ, похитившихъ имѣніе,—всѣ подобные предразсудки находили для себя сильное бичеваніе въ словѣ Полоцкаго. Кто не знаетъ еще знаменитой *Ивановой* ночи, перешедшей къ намъ изъ язычества, остатки котораго изъ Іоанна Крестителя сдѣлали Ивана Купалу? Нѣкоторые всю эту ночь проводятъ безъ сна, и наблюдаютъ, какъ будетъ восходить солнце, которое будто послѣ этой ночи восходя играетъ, скачетъ изъ мѣста въ мѣсто и измѣняется въ различные цвѣта. «Оле безумія! Оле суевѣрія (восклицаетъ Полоцкій)! Откуда сіе играніе солнца пріяша?.. невѣгласи и слышатъ другъ отъ друга и видятъ своими очима. Что же видятъ? воистину то: яко піану сущу человѣку, вся видятся колесообразно вращатися, за умноженіе паръ, отъ питія излишняго во главу восходящихъ, аще вся стоятъ неподвижно; и яко едина вещь піаному удвояется и утрояется во очію его, а не въ себѣ самой: тако тѣмъ солнце—зрителемъ, егда излише присмотрятся къ солнцу, отъ великаго дѣйства лучесъ его зрѣніе повредится, ибо излише чувствуемое вредитъ чувство: и того ради видится скакати и измѣнятися въ шарѣхъ, аще ни скачетъ, ни измѣняется». Въ тотъ же день многіе собираютъ разныя травы и гадаютъ по нимъ о судьбѣ своей; если они въ одну ночь распустятся въ цвѣты, то радуются, ожидая исполненія своихъ желаній, а если нѣтъ, то плачутъ и ожидаютъ злоключенія. Иногда и сбыться могутъ, по слову Симеона, подобныя гаданія *демонимъ дѣйствомъ*. Всѣ эти и многія другія суевѣрія Полоцкій сражаетъ во имя вѣры и разума, какъ неприличныя христіанину, разуму противныя, наносящія грѣхи и душу погубляющія.

Есть въ проповѣдяхъ Полоцкаго отраженіе и другихъ, болѣе частныхъ событій эпохи, напримѣръ спора съ Никономъ

и суда надъ нимъ. Въ словѣ на день святителя московскаго Петра (*), говоренномъ во время междупатріаршества, онъ упоминаетъ о святѣйшихъ патріархахъ, пришедшихъ въ Москву и приносившихъ въ тотъ день безкровную жертву, и желаетъ, чтобы на праздномъ мѣстѣ архипастырскаго престола явился пастырь угодный и пріятный изволенію Христову: онъ говоритъ о томъ, какъ восточные святители получили извѣщеніе о нѣкоей проказѣ, явившейся въ стадѣ Христовомъ, и потомъ, какъ добрые пастыри, пришли исцѣлить ее: они пришли отрѣзать и вонъ извергнуть изъ винограда *розги, не творящія добраго плода и насадить на праздной землѣ доброплодное древо...*

Конструкція словъ Полоцкаго—простая и прозрачная. Читаешь слово, и ясно видишь съ перваго раза весь ходъ мыслей, въ немъ раскрытыхъ. Расположеніе словъ естественное повидимому, между тѣмъ на немъ ясно отпечатлѣваются слѣды школьныхъ правилъ. У Полоцкаго въ началѣ каждаго «слова» всегда приступъ, какъ отдѣльная парочитая часть. Въ концѣ приступа ясно и опредѣленно выражается тема, затѣмъ проповѣдникъ молитъ Бога о помощи, а любовь и благочестіе христіанъ о прилежномъ слушаніи глаголемыхъ. Во главѣ слова большею частію полагается текстъ, и по прочтеніи его проповѣдникъ опредѣленно говоритъ, что это словеса суть напримѣръ божественнаго евангелиста Матѳея, во главѣ 17, въ зачалѣ 70 положенная, или словеса суть поемая отъ церкви въ тропарѣ настоящаго праздника. Для ясности развитія, и для легчайшаго удержанія въ памяти содержанія словъ, Полоцкій часто, когда у него идетъ рядъ соподчиненныхъ мыслей, употребляетъ механическія средства, и

(*) Прибл. къ Вечери 156—7.

рядъ мыслей или доводовъ связываетъ словами: первое, второе, третіе и т. д. Вліяніе школы видно особенно въ сложныхъ словахъ, т. е. въ тѣхъ, которыя говорены были въ дни, совмѣщающіе въ себѣ два или нѣсколько празднествъ. Симеонъ въ словахъ на такіе дни старается не опустить изъ виду ни одного празднества, и для этого совершенно искусственнымъ, механическимъ образомъ соединяетъ нѣсколько самыхъ разнородныхъ предметовъ. Все это однако — пріемы не одному Симеону принадлежащіе.

Полоцкій въ предисловіи къ читателю въ Обѣдѣ душевномъ говоритъ, что его душецѣлебный, душекрѣпительный и душеспасительный Обѣдъ нѣсть добре украшенъ, яко иностранными зеліи, хитростьми вѣтійскими. «Не украсихъ же (говоритъ онъ) ово за скудость ума моего, ово, яко удобѣе простое слово уразумѣваемо есть въ писаніи, неже красотами художественными покровенное, яко удобѣе ядро снѣдается изліученное, нежели въ кожѣ си содержимое». Видно, что Полоцкій безыскусственную простоту хочетъ признать отличительнымъ характеромъ своей проповѣди. Хотя понятіе о простотѣ здѣсь слишкомъ относительное; однако здѣсь важно уже самое признаніе необходимости простоты въ церковной проповѣди.

Между отличительными чертами проповѣдей Полоцкаго можно указать еще на изобразительность. Полоцкій не любилъ вдаваться въ отвлеченныя тонкости силлогистики, и сплетеніемъ умозаключеній, сухихъ и тяжелыхъ, утомлять умы слушателей. Ему больше по вкусу было наглядное описаніе, живое представленіе мысли въ образѣ историческаго событія, или видимаго естественнаго явленія. Полоцкій сознавалъ, что мысль никогда не будетъ такъ ясна и доказательна, какъ когда будетъ представлено для нея живое осуще-

ствленіе въ жизни. Потому у него много словъ историческихъ, и не въ историческихъ словахъ историческое раскрытіе мысли занимаетъ очень видное, часто главное мѣсто. Историческія явленія и образы приводятся часто и въ проповѣдяхъ Епифанія Славинецкаго. Но тамъ они имѣютъ символическій характеръ, и толкуются въ смыслѣ символовъ. У Полоцкаго они имѣютъ смыслъ прямой и являются для уясненія или усиленія мысли. Но какъ символизмъ мысли былъ въ духѣ времени и содержался въ той письменности, на которой тогда воспитывались русскіе умы, то и Полоцкій не могъ совершенно не подчиниться господствующему направленію. У него есть проповѣди съ символическимъ направленіемъ, хотя сравнительно ихъ не много (второе слово на Рождество Богородицы, два слова на Воздвиженіе, слово въ день св. Петра митрополита, слово на перенесеніе нерукотвореннаго образа, слово въ недѣлю 14-ю, 18-ю и 25 по пятьдесятницѣ). Притомъ Полоцкаго не интересуетъ такъ, какъ Славинецкаго, смыслъ символа и вѣрность его толкованія. Онъ какъ будто случайно касается общеизвѣстныхъ символовъ, и они у него очень часто со степени символовъ нисходятъ на степень простыхъ сравненій. Для него гораздо важнѣе смыслъ нравственный, внушаемый извѣстными событіями, чѣмъ таинственно-аллегорическій. Языкъ проповѣдей Полоцкаго—*простой церковно-славянскій языкъ*, совершенно понятный и теперь: стóитъ только измѣнить въ немъ славянскія грамматическія формы,—и онъ будетъ хорошимъ литературнымъ русскимъ языкомъ. Онъ простъ и не имѣетъ вычурной фигуральности; въ этомъ смыслѣ, можетъ-быть, Полоцкій и называетъ слова свои чуждыми вѣтійственныхъ хитростей. Рѣчь у него спокойная, близкая къ характеру собесѣдовательной рѣчи. Иногда она возвышается и до одушевленнаго

языка. Вообще проповѣди Полоцкаго были прекрасный подаркомъ для своего времени. Припомнимъ, что до Полоцкаго только Славинецкій являлся съ живымъ словомъ на церковную каѳедру. Полоцкій далъ нашимъ предкамъ цѣлый сборникъ русскихъ проповѣдей, цѣнный по своему содержанію и по своей обработкѣ. Полоцкій имѣлъ право молить, чтобы ни кто не отговаривался идти на его душевный обѣдъ и вечерю, ни селомъ, ни пятію супругъ воловъ, ни жены поятіемъ. Въ нихъ много полезнаго найдетъ для себя и современный проповѣдникъ.

V.

Наконецъ Полоцкій извѣстенъ въ литературѣ своими стихотворными произведеніями. Онъ первый явился на сѣверѣ Россіи съ сочиненіями драматическими; до него были опыты въ драматическомъ родѣ только въ южной и западной Россіи, въ особенности въ Кіевской академіи. Полоцкій перенесъ на русскую почву то, что давно извѣстно было въ Европѣ. Его комедіи принадлежатъ къ разряду мистерій и нравственныхъ представленій, которыя были порожденіемъ средне-вѣковаго духа, и служили преддверіемъ настоящей европейской драмы. Было бы длинною матеріею излагать здѣсь существо, характеръ и достоинство мистерій. Въ нихъ средневѣковое духовенство воспользовалось драматическою формою для того, чтобы сдѣлать болѣе осязательными и занимательными христіанскіе уроки и библейскія событія. Мистеріи явились на западѣ еще въ XIII—XIV вѣкахъ, ихъ первоначальное назначеніе было религіозно-дидактическое; послѣ впрочемъ они сдѣлались предметомъ простаго и даже грубаго развлеченія. Матеріалъ для мистерій заимствовался изъ библейской или

церковной исторіи; и потомъ вымыслу предоставлялось раскрашивать историческіе факты.

Восточная церковь не пустила отъ себя въ свѣтъ мистерій. Если же у насъ стали являться съ XVI—XVII вѣка религіозныя комедіи, то они своимъ происхожденіемъ обязаны вліянію западной литературы. Полоцкій имѣлъ предъ собою готовые образцы, когда началъ писать въ этомъ родѣ для русской публики.

Въ своихъ, такъ называемыхъ имъ, комедіяхъ или драматическихъ пьесахъ Полоцкій хотѣлъ соединить пріятное съ полезнымъ. Ими онъ думалъ занять публику, доставить *сладость и утѣху сердцамъ благородныхъ и благочестивыхъ государей, князей и бояръ*. Но облекая въ драматическую форму библейскіе предметы, онъ старается о томъ, чтобы сладость его комедій не токмо сердцамъ была обрѣтенна, но и душамъ спасенна.

Онъ злѣ умышляетъ Христову притчу дѣйствомъ проявити
....и чиномъ вершити,
Дабы Христовымъ словамъ въ сердцахъ быти
Глубже написаннымъ, чтобы не забыти.
Не тако бо слово въ памяти держится,
Яко аще что дѣломъ явится.
Велію пользу можетъ притча дати,
Токмо извольте прилежно внимати.
(Прологъ комедіи о блудномъ сынѣ.)

Назидательно-увеселительныя комедіи Полоцкаго писаны для представленія. Потому въ нихъ много указаній и замѣтокъ, нужныхъ для выполнителей пьесы, въ родѣ слѣдующихъ: Блудный будетъ пити, и слуги наполнивши держатъ въ рукахъ (бокалы). И тако Блудный сынъ пойдетъ склоняяся (шатаясь), и за цимъ всп... Тогда Блудный ястъ, и па-

стухъ свиніи присадитъ до корыта; онъ же разгнѣвася ударитъ свиніи, да разбѣгутся... Поведутъ Блуднаго за завѣсу, и біютъ плетьми, онъ кричитъ: государь пощади!... Здѣ Суса—кима о землю ударятъ, и бьютъ по ногамъ, и лисьимъ хвостомъ по шеѣ его ударятъ вмѣсто меча, дондеже отъ того падетъ, и будто мертвецъ ляжетъ на землѣ (въ комедіи о Навуходоносорѣ и Олофернѣ). О декораціяхъ или украшеніяхъ сцены почти не упоминается. Видно только, что комидійныя дѣла представлялись въ обыкновенной большой комнатѣ, въ которой отъ потолка до полу протягивалась завѣса, изъ-за которой выходили актеры на сцену для произнесенія своихъ рѣчей и выполненія назначенныхъ имъ ролей. При представленіи пьесы были пѣвцы, которые своимъ пѣніемъ занимали публику во время антрактовъ и тутъ же играла музыкія. Представленія устроивались во дворцѣ царскомъ, по случаю какихъ-нибудь торжественныхъ праздниковъ. Зрителями были избранные гости, имѣвшіе доступъ ко двору, и нарочно приглашаемые на праздникъ и на комидійное дѣло. Самъ Алексѣй Михайловичъ любилъ присутствовать при выполненіи пьесъ Полоцкаго. Въ эпилогѣ комедіи о Навуходоносорѣ царѣ и тѣлѣ златомъ авторъ благодаритъ царя о той благодати,

Яко изволилъ дѣйства послушати,
Что свѣтлое око *его* созерцаше
Комидійное сіе дѣло *наше*.

Мы знаемъ три комедіи Полоцкаго. Это 1) комедія о блудномъ сынѣ, 2) комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златомъ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ, 3) комедія о Навуходоносорѣ и Олофернѣ (*). Первыя двѣ писаны силлабическими стихами, а третья прозой.

(*) Всѣ онѣ помѣщены въ VIII части Древней Росс. Вивліоѳики.

Комедія о блудномъ сынѣ—распространенная евангельская притча, состоящая изъ 6 небольшихъ частей, съ прологомъ и эпилогомъ. Замѣчательныя по отношенію къ характеристикѣ вкуса того времени измѣненія и добавленія въ комедіи—изображеніе пьянства блуднаго сына, ощутившаго себя на свободѣ, съ наемными слугами. Въ первой части блудный сынъ, когда просится у отца въ чужія страны, представляется человѣкомъ еще добрымъ, умнымъ, какъ будто стремящимся къ доброй цѣли: онъ увлекается стремленіемъ къ славѣ и почестямъ, хочетъ въ странствіи умомъ обогатиться, и отецъ, хотя съ прискорбіемъ, но очень скоро соглашается на просьбу сына. Во второй части онъ является уже человѣкомъ бездѣльнымъ и глупо-расточительнымъ: онъ велитъ своему слугѣ нанять и привести къ нему какъ можно болѣе людей, съ которыми бы можно было ему кутить и пить, и съ перваго же раза онъ велитъ дать имъ, ни за что ни про что, по 100 рублей; всѣхъ сажаетъ онъ играть въ зерно, въ карты, въ тавлеи:

Аще кто проиграется, то на мнѣ утрата,
А кто добрѣ выиграетъ, за труды гривна злата.

Слуги, обобравши глупаго и пьянаго господина, съ грубыми рѣчами оставляютъ его, а онъ идетъ въ свинопасы, продавши свою послѣднюю одежду. Здѣсь приходится ему не только ѣсть изъ одного корыта съ свиньями, но и терпѣть наказаніе за потерю свиньи. За этимъ горемъ начинается его обращеніе, разсказанное по притчѣ.

Въ комедіи, служащей распространеніемъ готовой притчи, невольно отразились нравы вѣка, особенно тамъ, гдѣ авторъ прибѣгаетъ къ добавленіямъ и раскрашиванію библейскаго разсказа. Это отраженіе мы видимъ, когда читаемъ описа-

ніе пира господина — самодура съ своими и наемными слугами, и отношеніе хозяина къ своимъ работникамъ, безцеремонно плеткою расправлявшагося съ ними за ихъ проступки и небреженіе о своемъ дѣлѣ, или когда слышимъ, какъ рисуетъ семейный бытъ сынъ, вырвавшійся на волю изъ-подъ грозной опеки отца.

Внутренній смыслъ всей комедіи и назидательная цѣль, какую хотѣлъ достичь авторъ своимъ піитическимъ твореніемъ, высказана въ эпилогѣ, заключающемъ комедію. Здѣсь Полоцкій, обращаясь къ *благороднымъ, благочестивымъ государямъ премилостивымъ*, видѣвшимъ притчу Христомъ изреченну, дѣломъ днесь изображенну, говоритъ такъ:

Юнымъ се образъ старѣйшихъ слушати,
На младыій разумъ свой не уповати.
Старымъ, да юныхъ добрѣ наставляютъ,
Ни что на волю младыхъ не спущаютъ,
Паипаче же образъ милости явися,
Въ немъ же Божія милость изобразися,
Да и вы Богу въ ней подражаете,
Покаявшимся удобь прощаете.
Мы въ сей притчи аще согрѣшихомъ,
Ей огорчити никого мыслихомъ;
Обаче молимъ, извольте простити,
А насъ въ милости Господней хранити,
За что хранени будете отъ Бога
Въ милости Его на лѣта премнога.
(Ту вси изшедше поклонятся, а мусикія запоетъ, и тако разыдутся гости.)

Комедія о Навуходоносорѣ, о тѣлѣ златомъ и о тріехъ отроцѣхъ (*) — краткій разсказъ объ историческомъ событіи

(*) 158—169 VIII ч. Др. Р. Внел.

въ драматической формѣ, безъ характеристики и безъ развитія. Въ *предисловіи* авторъ обращается къ благовѣрнѣйшему пресвѣтлѣйшему царю, и хвалитъ за то, что онъ Бога въ Троицѣ едина чтитъ, должный поклонъ набожно творитъ. За тѣмъ воспоминаетъ о Навуходоносорѣ, который не такъ жилъ, какъ восхваляемый царь, тьмою невѣжества былъ помраченъ, великимъ чудомъ едва просвѣщенъ.

То комидійно мы хощемъ явити
И аки само дѣло представити
Свѣтлости твоей (т. е. царю) и всѣмъ предстоящимъ
Княземъ, боляромъ, вѣрно ти служащимъ,
Во утѣху сердецъ, здрави убо зрите,
А насъ въ милости своей храните.

Предметъ этой комедіи у насъ былъ изображаемъ въ чинѣ такъ называемаго пещнаго дѣйствія. И этотъ чинъ имѣетъ въ себѣ гораздо больше содержанія, разнообразія и дѣйствія, чѣмъ комедія Полоцкаго. Если этотъ образъ далъ поводъ Полоцкому взять такое, а не другое содержаніе для своего драматическаго произведенія, то нужно замѣтить, что оно далеко уступаетъ величественности церковнаго обрядоваго представленія. Полоцкій только развелъ реторическими фразами то, что слишкомъ разительно въ своей исторической простотѣ, и что такъ сильно дѣйствовало на нашихъ предковъ въ сложномъ чинѣ пещнаго дѣйствія.

Третья комедія Полоцкаго имѣетъ предметомъ своимъ извѣстную исторію Юдиѳи и Олоферна. Дѣйствіе взято изъ книги Св. Писанія, извѣстной подъ именемъ Іудиѳи. Нѣкоторыя мѣста изъ нея авторъ буквально повторяетъ, напримѣръ молитву Юдиѳи предъ тѣмъ, какъ она рѣшается идти въ лагерь Олоферна (9 глава въ книгѣ Юдиѳь, — V дѣйствіе ком. сѣнь 5); комедія заключается благодарственною пѣснію къ

Богу, которая есть собственно стихотворное переложеніе хвалебной пѣсни Юдиѳи, помѣщенной въ послѣдней главѣ книги. Комедія эта очень обширна; она раздѣлена на 7 дѣйствій, а каждое дѣйствіе на нѣсколько сѣней (явленій). Авторъ всячески старается усложнить и распространить дѣйствіе, и тѣмъ только спутываетъ и ослабляетъ его. У него выведено множество лицъ (до 50, если не болѣе), онъ выдумываетъ имена, не упомянутыя въ библейской книгѣ, заставляетъ вымышленныя лица говорить длинныя рѣчи. Лица не имѣютъ живыхъ образовъ и не дѣйствуютъ, а только говорятъ: тутъ нѣтъ даже и главныхъ лицъ, а все какъ будто лица второстепенныя; авторъ не знаетъ на комъ сосредоточитъ свое вниманіе. При длинныхъ разлагольствіяхъ, при множествѣ вводныхъ лицъ и эпизодовъ, историческое дѣйствіе подвигается впередъ чрезвычайно медленно, и вниманіе читателя или зрителя пьесы утомляется и ослабляется. Авторъ прежде всего представляетъ намъ Навуходоносора и его совѣтниковъ, а болѣе всего Олоферна и его соратниковъ; въ I дѣйствіи видно, какъ грозная туча собирается надъ Іудеею; во II и III дѣйствіяхъ разказывается объ ужасѣ и трепетѣ іудеевъ, но у зрителя предъ глазами почти постоянно палатка Олоферна, въ которой (какъ въ этихъ дѣйствіяхъ, тамъ и въ послѣдующихъ) слышны грубыя и горделивыя рѣчи о славѣ Навуходоносора, о силѣ Олоферна и непонятной дерзости жидовскаго народа; около палатки смѣются, шумятъ и ссорятся разные Самнасы, Сусакимы и Салманы, служащіе въ войскѣ Навуходоносора, или раздается отчаянная брань и грустные вопли плѣнниковъ. Въ 3 сѣни IV дѣйствія является на сцену Юдиѳь съ своею служанкою Аброю. Но въ VII она, послѣ лагерной вакханаліи Олоферна, совершаетъ свой геройскій подвигъ; послѣдняя сцена представляетъ возвращеніе ея въ свой городъ

съ головою вражескаго полководца и торжество Ветилуйцевъ. Общая мысль всей комедіи выражена въ предисловіи, гдѣ авторъ обращаясь къ Алексѣю Михайловичу, говоритъ ему, что превышній Богъ блюдетъ его царство и ограждаетъ его предѣлы отъ непріятелей огненными ангелами, и хочетъ доказать предъ нимъ своею комедіею, какъ чудесно Богъ хранитъ людей благочестивыхъ и какъ премѣняетъ печаль зѣльную въ счастіе, допуская скорбь только на мгновеніе ока (*).

Предъ авторомъ носилось понятіе естественности, какъ закона драматическихъ представленій, и въ силу ея онъ хочетъ стать ближе къ жизни въ своей комедіи. Онъ поддѣлывается подъ понятія времени, и въ ассирійскомъ войскѣ величаетъ кого паномъ гетманомъ, кого паномъ капитаномъ, кого паномъ поручикомъ и т. п. Онъ хочетъ смѣшить, и представляетъ сцены, въ которыхъ являются пьяные и распущенные люди, и слышатся ихъ откровенныя рѣчи о разныхъ циническихъ поступкахъ. Заботясь о естественности, авторъ вдается въ цинизмъ выраженія. Не только простые воины изъ войска ассирійскаго,—самъ Олофернъ большею частію говоритъ языкомъ грубаго зазнавшагося мужика, и, по примѣру старыхъ военачальниковъ, очень не деликатно обращается съ своими подчиненными, называя ихъ собаками, псами, безумцами.

Кромѣ драматическихъ трудовъ, у Полоцкаго есть много стиховъ лирическихъ, раскрывающихъ въ силлабической формѣ религіозное содержаніе (Рифмотворная псалтырь, Вертоградъ). Рядомъ съ этими переложеніями отъ него остались разные плачи, элегіи и поздравительные стихи. Онъ напримѣръ и при жизни не разъ восхвалялъ стихами Алексѣя Ми-

(*) 188 стр. VIII ч. Др. Р. Виѳл.

хайловича, писалъ ему утѣшительные стихи послѣ кончины первой его супруги, и стихами поздравлялъ его со вторымъ бракомъ, а послѣ смерти его почтилъ его память и *плачемъ и элегіею*, и *доброгласною гуслью* привѣтствовалъ вступленіе на престолъ его сына, и пр. и пр. Не будемъ осуждать этихъ придворныхъ стихотвореній, писанныхъ на случай. Они, вмѣстѣ съ другими опытами піитическаго таланта Полоцкаго, были въ духѣ времени, и для Москвы казались чудною заморскою новостію, открывавшею предъ нею новый видъ литературы. Здѣсь чрезъ Полоцкаго, задолго до Ломоносова, начала дѣйствовать на нашъ сѣверъ искусственная западная литература, хотя въ сферѣ тѣсной, въ формѣ грубой. Піитическіе опыты Полоцкаго восхищали нашихъ предковъ, хотя являлись въ неуклюжемъ силлабическомъ стихѣ, а автору приносили и высокую славу laureati poëtae, и цѣнныя для него денежныя награды. Придворной поэзіи было время не въ одну только эпоху Полоцкаго. И поэты XVIII вѣка у насъ на Руси настроивали свою лиру на заказно-патріотическій и придворный ладъ. У Полоцкаго и ближайшаго его преемника Сильвестра Медвѣдева сфера, вдохновлявшая поэзію, еще очень тѣсна: это дворъ, лице царя и его родственники. Съ Ломоносова, при измѣнившихся отношеніяхъ поэтовъ къ придворной жизни, она расширилась до восхваленія грома побѣдъ и военачальниковъ. Но въ существѣ было одно и то же. Главное различіе состояло въ различіи стихотворенія силлабическаго и тоническаго, и въ большей красотѣ внѣшней формы.

В. Пѣвницкій

476175.
КУЙБЫШЕВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА